

Самблү

р г о в и м б и
чай

Евгения Р

Елисавета Р

САМЫЙ ЯДОВИТЫЙ ЧАЙ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70621843

SelfPub; 2024

Аннотация

С самых верхов она пала ниже некуда, а окружающим отныне дозволено вести себя с ней фривольно. Кем она была и кем стала? Что теперь её ждёт? Этими вопросами задавалась девушка. Бричка подъезжает к месту назначения...

Елисавета Р

Самый ядовитый чай

Примечание: Обложка книги не является собственностью автора. Она была сделана с помощью искусственного интеллекта. Все шрифты были взяты из общего бесплатного доступа, автор не является их собственником.

Рувирос – ядовитый цветок, распространённый исключительно на территориях гор Великобритании. При чистом употреблении растения или неправильном приготовлении и последующем употреблении в лучшем случае рувирос калечит человека, оставляя инвалидом на всю оставшуюся жизнь, в худшем – приводит к летальному исходу.

Никто и не думал пытаться сделать из цветка нечто съедобное, пока одни особо пытливые особы не посетили маленький городишко, окружённый горами и холмистой местностью. Узнав о рувиросах от местных, им в голову пришла безумная идея о приготовлении цветков в чай. Эти люди стали первыми, кто научился выпаривать яд из растений, дальше изготавливая чай уже из безопасных лепестков и листьев. Чай из рувиросов имел воистину неповторимый, утончённый вкус и встретился критиками положительно.

С тех пор ущербный город не имеющий, ни трудовой, ни

курортной, ни какой-либо ещё значимости, приобрёл своё назначение, став чайной плантацией.

1882 год, Англия. Повозка подъезжала к месту назначения. Этому свидетельствовали очень мутные огни фонарей где-то вдалеке и еле виднеющиеся постройки. Сегодня с погодой не повезло, тучи разразились заливным дождём, по крыше ландо били ливневые струи, а вода, создавшая грязь, обеспечила трудности в проезде по размокшей земле и углубила дорожные ямы, от которых транспорт высоко подпрыгивал, следом с грохотом падая обратно. В этот момент все находящиеся внутри подлетали точно также. Абсолютно неприятный момент, но уже за почти дневную езду можно было привыкнуть. Привыкла и она. Правда всё ещё не могла отделаться от боли на запястьях из-за противно давящих грубых верёвок и обвязанной ткани на голове, закрывающей глаза и погружающей в кромешную темноту. Однако когда теряешь зрение, надо признать, все остальные чувства становятся гораздо острее и поэтому её раздражал каждый вдох и выдох едущего рядом надзирателя. Тем не менее свыкнуться с неудобствами условий ещё можно, но вот с тем, что назад ты возможно никогда уже не вернёшься? Тяжело. Ландо останавливается. Она слышит скрип открывшейся двери и крик кучера.

– Приехали, выходите! – следом за словами в повозке встаёт мужчина, полы слегка хрустят, как только его мощ-

ная фигура переставляет весь центр тяжести на них. Тот берёт девушку под локоть и тащит на выход. Неслыханная грубость! Это то, о чём она подумала.

– Идиот, откуда только у тебя, у простолюдина, есть такая дерзость так меня хватать?! – возразила она, вырывая руку из его хватки. Но попытки были тщетны.

– А ну молчать, уже осточертело твоё нытьё, – холодно ответил он, – Кем бы ты ни была, сейчас ты никто и подчиняешься моим приказам, – на что девушка лишь закатила глаза. Повязка скрыла это действие, возможно, в ней есть небольшие плюсы. Одета в одну ночную сорочку, она могла почувствовать всю непогоду на себе. Холодные брызги соприкоснулись с голой кожей, плечи покрылись мурашками, ноги слегка задрожали. Наконец с неё срывают повязку, за миг она приготовилась к испепеляющему глаза яркому свету, но когда ткани уже не было, она не поморщилась даже на секунду. Её доставили глубокой ночью. Не переставая мёрзнуть, она глянула на тепло одетого надзирателя и могла только завистливо думать: «Хорошо надзирателю – одет в куртку, тёплый кафтан и штаны». Повертев головой, девушка заметила большие железные ворота с деревянной табличкой сверху, гласящей «Гроувер». Название отдалось воспоминаниями в её голове. Верно. Это тот самый город, она уже знает о нём. Мужчина, всё ещё держа девушку под локоть, разговаривал с возникшим о заселении в город.

– Да, конечно.... Сейчас только найду, куда повозку с ло-

шадьями пристроить, – произнёс кучер, похлопывая кобылу, – и переночую где-нибудь. Завтра дальше поеду.

– Правильно, отдохнуть тебе надо. Я тут тоже ненадолго. Сейчас девчонку отведу, да сам заселюсь, – ответил мужчина, поглядывая на девушку. Та в свою очередь лишь молча злилась на такое непривычное непотребное отношение к ней. Распрощавшись с кучером, надзиратель повёл девушку вперёд, оставляя возчика позади.

Тащивший её мужчина больно сжимал и без того ноющую руку. Девушка снова не выдержала и нарушила тишину, сохраняя в своём голосе ясность и громкость, несмотря на усталость с дороги, холод и боль.

– Я замёрзла как чёрт, бегаю тут под ливнем в одних тапочках, да ночнушке. Ещё и ты со своей силищей тащишь, поумерь свой пыл, – не переставала храбриться она. В её ситуации ей стоило бы промолчать ради собственного благополучия, но её злобность и гордость не оставляли другого выбора. Недоумённый приставник резко остановился и немного помедлив, обернулся к ней.

– Ты всё ещё смеешь свой рот открывать? – вопрошал мужчина грубым голосом, продолжая, – Бедненькая. Полушубок тебе на плечи накинуть, по ручкам погладить? – злобно, хмуря брови, бросался словами тот. Всё её нутро болезненно ныло, ещё не осознавая нового положения дел. Что теперь она никто и другие имеют право так себя вести с ней. Внешне она лишь возмутилась, открывая рот для па-

рирования его слов, но мужчина опередил её, не давая вставить слово, сжал её руку сильнее, от чего она ойкнула, переключая внимание, -Лучше не заставляй меня выходить из себя и применять насилие, – после своих слов приставник отвернулся и, не умаляя прежней силы, повёл девушку дальше. Мужчина выглядел настолько грозно, что девушка испугалась и всё же решила послушаться. Делая шаг за шагом, та периодически наступала в лужи, разбрызгивая грязную воду на белоснежную кожу. Безразлично пробежавшись глазами по улочкам города, она отметила старые помещения и неровные дороги. Девушка сравнила более широкие дороги Лондона, величественно возвышающиеся постройки в викторианском стиле. Как сильно её новое местожительство контрастировало с прошлым. В голове пронеслось: «Лондон. Я ску чаю». Под ногами раздался очередной всплеск воды.

Рувирсы не были опасны при контакте с кожей. Даже вкушая запах цветка, человеческий организм будет в добром здравии. И цветки не были прихотливы в своём выращивании, так что совокупность этих факторов сделала чайную плантацию успешной и процветающей. А та в свою очередь спасла умирающий город. Всё больше молодых людей съезжалось в населённый пункт ради выращивания и собирательства чая, женясь и рожая детей, тем самым разбавляя преимущественно старое население и увеличивая численность города. В следующее пятилетие город был спосо-

бен отстроить себе две больницы и школы, улучшить существующие постройки. Всегда, когда город посещали два первооткрывателя плантации, жители устраивали им гостеприимный и радушный приём.

И между тем, девушка совсем ушла в себя, рассуждая о новом месте. «Я знаю это место, я ведь много читала и слышала о нём. Правда сейчас эта информация будет бесполезна, ведь о нынешнем положении дел здесь почти ничего неизвестно, всё-таки в такую глушь мало кто решится поехать. Поэтому мне определённо не повезло, я почти ничего не знаю, и здесь всё выглядит отвратительно. Вероятнее всего, меня, как сброд, привезли в это умирающее место либо на тяжёлую работу, либо упечь куда-то как ненормальную, – размышляла девушка, – Просто ужасно. Но заслуженно, – внезапно в её голове пронеслись странные мысли, – Нет же... Ты. Не. Заслужила. Этого. Это они, они виноваты! Как они посмели, так», – она оборвала свой же поток дурного бреда. Периодически подобные страсти атаковали её голову, и она мучилась в смутных терзаниях об их правильности, о собственной нормальности. Из мыслей её вывел раздражённый поведением девушки приставник. Только сейчас она заметила, что они уже стоят возле белого здания, так хорошо заметного среди темноты. Но даже ночью были заметны множественные потёртости, грязные пятна и в целом изношенность постройки. Территория была ограждена каменным забором.

В то же время мужчина тряс девушку за плечи, повторяя.

– Приди в себя уже, – он не договорил, когда увидел, что она уже смотрит на него. Он тяжело выдохнул, потирая ладонью лоб. Если прислушаться, можно было расслышать, как он тихо ругается себе под нос. Одарив её недоброжелательным взглядом, он подходит к двери, потянув за ручку. Та не без скрипа отворилась. Проследовав за надзирателем, она оглядела помещение. Белые стены, на которых навешаны какие-то плакаты с фактами из психиатрии. Среди них выделялась какая-то картина, но девушка не стала заострять на ней внимание. В мыслях она отчеканила: «Психушка». Руки еле заметно затряслись.

«Боюсь? Конечно. Это ведь не просто больница, – в голове начали возникать статьи из газет об обращении с психически больными, – Нет. Не нужно так переживать раньше времени. Я знаю, жизнь здесь будет не сахар, но возможно мне не будут делать лоботомию или проводить сквозь меня заряд электричества. Хотя с каких пор я стала довольна тем, что надо мной хотя бы не издеваются?» – у входа мужчина достал нож, на что девушка ненароком опустила глаза. Предмет вызвал в ней странные, неприятные чувства. Приподняв руки девушки, мужчина обрезал верёвку у запястий. Она последовательно потёрла ладонью каждое, смотря на багровые следы. Девушка на входе за оконцем услышала звук скрипучей двери и различила два вошедших силуэта, прошедших к ней. Через стекло она увидела крепкого мужчину, среднего

возраста и совсем юную продрогшую девочку. Басистым раскатистым голосом первый поздоровался, начав диалог. Девушка в оконце ответила тем же. Прежде чем она начала расспрашивать базовую информацию, женщина позвонила кому-то по стационарному телефону, сообщая о новом пациенте и, повесила трубку.

– Имя, фамилия, возраст? – спросила она.

– Самантой звать, – ответил за ту мужчина, – фамилия Филдс, семнадцать лет, – «Филдс, – подумала Саманта, – Но я не Филдс».

– Год рождения и где родилась? – после заданного вопроса надзиратель прокашлялся и покосился на Саманту, как бы отдавая приказ «отвечай».

– Родилась в Лондоне, – начала та и отметила, что девушка за оконцем невольно приподняла брови, немного округлив глаза, пока записывала данные на какие-то бумаги. Очевидно, гостей из самой столицы у них по пальцам пересчитать. В то же время, Саманта продолжила, – тринадцатого июля 1865 года.

– Училась где-то?

– Домашнее обучение с пяти лет, – ответила девушка.

– По какой причине привезли сюда? – на этот вопрос Саманта замолчала, стыдливо опустив глаза.

– Нервный срыв у неё был, родители прислали. Всё, что известно, – объяснил приставник, потирая нос. Затем он протянул женщине документы. Саманта решила отвлечься,

осмотрев помещение более подробно. Она оглянулась и первым, что ей бросилось в глаза был какой-то потасканный, где-то продырявленный пыльный диван. Девушка брезгливо покосилась на предмет мебели. Затем Саманта всё же остановилась на изучении той самой картины. Даже издали она пестрит красками, на ней нарисован красивый красный цветок. Налитые багровым крупные лепестки, аккуратно идущие друг за другом. Пушистый зеленоватый стебелёк с большим витиеватым листиком. Неважно, она видела его много раз. Удивительно лишь то, что картина цветка висит до сих пор. Филдс свела брови, отводя взгляд от картины. Все мысли крутились вокруг произошедшего, чувства были поражены то глубокой печалью и сожалением, то обидой и гневом. Она повернула голову в сторону приставника. Мужчина ворковал с девушкой за оконцем.

«Да. Ему весело сейчас, заигрывает с милой женщиной, потом пойдет отлёживаться в тёплой кровати. И неважно, что у тебя сейчас ломается жизнь. Замолчи, просто замолчи. Почему же? Потому что из-за тебя я здесь!»

– Филдс, иди наверх по лестнице. Там тебя встретит медсестра. На этом моё сопровождение тебя окончено, – прервал её мысли надзиратель. Она лишь одарила его ненавистным взглядом, уходя прочь. Начав подниматься по лестнице, за спиной она услышала приглушённые смешки: мужской и женский.

Рувиросы стали символом этой провинции. Изображением цветка украшали множество вещей, будь то посуда или одежда. Даже в современном городе иногда можно увидеть пережитки прошлого – редкая картина рувиросов, рисунок на домашней тарелке и кружке или редкий прохожий в вещи с вышитыми на ней цветами. Но это всё, что сейчас напоминает о существовании этих цветов в истории провинции.

От жёстких каменных ступенек исходил холод. Девушка всё ещё не прогрелась после прогулки под дождём. Видимо, плохо отапливаемое здание. Ступенька за ступенькой, мысль за мыслью, она гадала, не простудиться ли, а то и чего хуже – подхватит ангину или бронхит. Всё, как и говорили, поднявшись, её встретила женщина в белом халате.

– Без любезностей. У прохода не задерживаемся, быстрее проходим за мной, – протараторила медсестра, как-то по обыкновенному для всех медицинских работников, не церемонясь, и сразу зашагала вперёд по больничному коридору. Саманта последовала за той. Работница шла как-то в спешке, чётко быстро передвигаясь, что девушка еле за ней поспевала.

– Как зовут-то тебя? – безразлично спросила медсестра, скорее больше для собственного удобства обращения, чем из искреннего интереса.

– Саманта, – кратко ответила девушка. Следующие секунды прошли в тишине, пока медсестра не дёрнула ручку неиз-

вестно куда ведущей двери. Девушка нырнула в проход за работницей. Они ступили в следующий светлый коридор.

– Мы куда? – спросила Саманта. Медсестра покосилась на неё, будто бы своим взглядом говоря задавать меньше вопросов.

– В карантинную. Недолго тут посидишь, приведём тебя в порядок, проверим, не больная ли, – ответила женщина. «Приведут в порядок? Одежду выдадут может...». Ступая дальше по коридору, они пришли к какой-то комнате. Девушка проходит за медсестрой.

– Подойди и сядь сюда, – отчеканила она, указывая на стул в небольшой комнате. Саманта недоверчиво повела бровью, медленно бредя к сидению, будто ей предлагают присесть на электрический стул. «Странно. Зачем это?» – в смутных сомнениях терзалась она, стараясь успокоить слегка учатившийся пульс. Теперь девушка наблюдала происходящее сзади через зеркало, висящее перед ней. И конечно могла рассмотреть саму себя, но это действие не приносило ей удовольствия, и девушка то и дело переводила взгляд от своего отражения, наблюдала, как медсестра копошилась в бардачке полки шкафа. Иногда её глаза всё же случайно останавливались на своём лице и каждый раз, когда это происходило, она недобро косилась на себя. Найдя нужную вещь, медсестра закрыла дверцу, вернувшись к Саманте. Лампочка на потолке почти не работала, иногда и вовсе отключалась, создавая секундную темноту. Среди слабого освещения, со-

здавшего полумрак, девушка взгляделась в лицо работницы, среди оттенённых участков замечая странную улыбку, не сулящую ничего хорошего. Затем в руках второй той что-то блеснуло. Это были ножницы. В глазах первой же проблеснул страх.

В нынешнее время цветы можно встретить только в их изначальной естественной среде обитания, а то есть, на английский горах. В городе их давно перестали сеять и ухаживать за посевами. На смену маленькой чайной плантации в примитивном городишке, с которого всё начиналось, пришёл чайный бизнес в более крупных и значимых провинциях, а со временем – добрался до столицы. Города-гиганты имели большую площадь чайных полей, производили больший объём продукта, тем самым уменьшая значение плантации на её же родине. Владельцы больше не нуждались в помощи неизвестной глубинки. Так она и начала угасать.

Саманта ощутила, будто сердце замерло. Внешне она продолжала оставаться спокойной, и лишь округлившиеся глаза выдавали в ней беспокойство. Её мозг в панике быстро и судорожно перебирал причины, по которым медсестра сейчас держала острый предмет, но ничего в голову не приходило. Она шустро встала со стула, отходя подальше, глядя с некой враждебностью. В свою защиту девушка была готова даже напасть первой. Медсестра недоумённо взглянула на паци-

ентку, опуская лезвия.

– Ты что, убить собралась меня?! – истерично крикнула Саманта.

– С дубу рухнула? Никого убивать я не собиралась, стричь тебя буду. У нас в больнице с такими патлами запрещено находиться, а то повсюду твои волосёнки будут. И чего только такие, как ты не придумают, – укоризненно, не без нотки брезгливости в своей интонации произнесла медсестра, и лицо Саманты расслабилось, выражая смятение.

– А... – девушка осознала поспешность своего действия. «Это нормально, что я опасалась. Эта взяла тут холодное оружие и ничего мне не сказала, что делать будет. Подождите. Отрезать волосы?» – шокировалась Саманта. Её сокровище, то, что она растила с пелёнок, берегла, ухаживала и отрезать? Саманта вновь нахмурилась и всё ещё не торопилась подходить к медсестре обратно.

– Кто ты вообще такая, чтобы так разговаривать со мной и иметь право ко мне притрагиваться? Отрезать волосы, да ни за что. Ты хоть знаешь кто мой, – и недоговорив, Саманта вспомнила, что больше не имеет того прежнего положения, что было раньше и не может угрожать влиятельным отцом. Медсестра охнула от такой дерзости.

– А точно, ты же лондонская тварь, думаешь, приехала со столицы и можешь тут свои порядки устанавливать? – сердито и грубо сказала работница. Девушка сама больше не была уверена в правильности своих действий, впервые что-то по-

шатнуло её непоколебимую уверенность в себе. Но она была бы не она, если бы пошла на попятную.

– Пошла к чёрту, – истерично ответила девушка. Разумом она понимала, что если нужно, её принудят ко всему, но её сердце сопротивлялось всем нутром. Возможно, девушка находила утешение в том, что не сдалась без боя.

– Я не собираюсь церемониться. Не сядешь сама, я с санитарями или без, скручу тебя по рукам и ногам, вколю успокоительные и постригу, – продолжала медсестра. Саманта до последнего не желала расставаться с тем, что было ей дорого, и даже ударила рукой женщине по щеке, когда та попыталась подойти ближе. После этого женщина была вынуждена вызвать других работников. Множество рук держало её. Иногда девушка чувствовала чьи-то болезненные удары заставлявшие её согнуться пополам, а после укола иглы через время её тело стало ослабевать. Такого унижения Саманта не испытывала никогда.

Девушка смотрела на то, как белокурые локоны падают на пол, ноги, плечи, руки. Но Саманта не могла пошевелить ни одной из частей тела. И лишь скупая слеза пробежала по её щеке, падая с подбородка на тот же пол с волосами.

Медсестра перекинула её руку через свою шею и повела по коридору. В бреду она еле перебирала ногами, стеклянным взглядом смотря в пол, почти ничего не соображая. Когда они достигли палаты, медсестра опустила Саманту на кровать. Девушка упала на матрас. Она всё ощущала: боль,

злобу, унижение. Но ничего не думала. Её веки затяжелели, и новоявленная Филдс погрузилась в сон.

Всего через пару часов Саманта проснулась. Вокруг по-прежнему стоял мрак. Голова невыносимо болела. Девушка поднялась и присела на кровать. В душе отчего-то саднило. «**Ты винишь себя?** – раздался голос в голове. Он был каким-то чужим и искажённым. Она уже слышала его тогда и осознав это, девушка ужаснулась, – Насчёт чего? – задалась вопросом она. Но ответ она знала в своих самых глубоких закромах души. Сама она признать его не могла, но вот эти самые глубины могли ответить ей, – Обычно людям свойственно ощущать вину в такой ситуации, – отвечает голос, – Какой ситуации? – продолжает спрашивать она, – **Несчастный случай,** – Саманта тяжело задыхалась, зная, к чему клонит голос, – Нет, нет, нет! Я не виновата, это не правда!», – кричит она в своей голове, невольно, её глаза начинают слезиться. Воспользовавшись её душевным неравновесием, девушке будто ударили тяжёлым предметом по груди, иначе она не могла объяснить распирающую боль в грудной клетке и невозможность втянуть воздух. Пытаясь схватиться хоть за капельку кислорода, девушка начала походить на рыбу, попавшую на сушу. Руки тряслись и инстинктивно сжимали железные перегородки койки. Саманта чувствовала, будто что-то грызёт её изнутри. Скрип пружин. Девушка резко падает обратно на кровать, жадно глотая воздух. Транквилизаторы всё ещё не дают ей ясно подумать над ситуаци-

ей, оставляя прибывать в замешательстве. Она думала, будто непонятный приступ прошёл, но смотря на потолок, замечает расплывающееся чёрное пятно. Масса протекает, и капля падает прямо на лоб девушке. Жидкость покрывает чёрным весь потолок, начиная стекать со стен. Саманта начинает тяжело дышать, нервно глядя из стороны в сторону. Её тело было каменно-тяжёлым и отказывалось сдвигаться с места. Из черноты очертился силуэт. Фигура восстала из жидкости, и перед Самантой предстало тело, с которого на белоснежный кафель капала непонятная консистенция. Хлюпающие шаги направились к Саманте. Монстр наклонился над той, протягивая лапы к девичьему лицу. Девушка яростно затрясла головой, резким движением оторвавшись от койки, упала на пол. Она начала ползти к закрытой двери, к выходу. Чудовище рассвирепело и зашагало к ползущей, хватая за ноги. Девушка почувствовала холодную мерзкую слизь на ногах. Сущность будто начала обволакивать Саманту, погружая в себя. Это было ещё противнее, чем, если бы та просто пыталась её задушить. Девушка ползла неуклюже и слабо, но с отчаянным рвением. Когда её ноги были по колено в жиже, она потянула заветную ручку. Дверь поддалась и с отблеском надежды в глазах, Саманта швырнулась в открытое пространство. Но её ноги наполовину оставались в палате, не в силах оторваться от клейкой слизи.

Она стукнулась головой прямо о ноги какой-то молоденькой медсестры. Та удивлённо округлила глаза. Мерзкое су-

щество пропало в тот же миг.

Ядовитые цветы, употребляемые в чай вызвали сенсацию и бурную реакцию общества. Мнения были противоречивы, одни говорили о гениальности создателей, другие говорили об извращённости и опасности такого решения. Но одного отрицать нельзя – это была совершенно новая идея, так или иначе заинтересовавшая всех.

Конечно, рувиросы не были единственной продукцией кампании. По мере того, как она расширялась, та начала выпускать новые линейки трав, но рувиросы остались главным козырем и визитной карточкой чайной кампании, ставшей самой крупной и распространившей своё влияние на весь мир.

Два владельца объединили свои семьи, связав узами брака своих наследников.

– Что ты тут устроила?! О, эта работа... – злобно выругалась медсестра. Саманта неуклюже поднялась с локтей, усевшись на полу. Выражение ужаса застыло на её лице, и сделать ничего боле она не могла. Медсестра раздражённо цокнула, нагнувшись, резко схватила сидящую под плечи, приподнимая. Саманта встала на ноги, и работница отвела её обратно к кровати.

– У меня на лбу, – слова давались ей тяжело, – пятно чёрное, – через шок вымолвила она, глядя вытаращенными гла-

зами на медсестру. Последняя нахмурилась.

– Нет у тебя на лбу ничего, – сказала она, приподнимая чёлку девушки, – Спи давай. Ночь ещё.

Утром следующего дня её разбудил громкий, тараторящий, так и бьющий по ушам голос.

– Подъём, просыпаемся! – источник звука пошёл дальше по коридору, будить остальных. Саманта тяжело открыла сонные слипшиеся глаза. Первым, что она увидела, были часы напротив, что показывали стрелками шесть утра. Голова и тело болели после прошедшей ночи. Присев на кровать, девушка потрогала свои волосы. Неровно подстриженные локоны, даже выше плеч. Одна единственная прядка у лица сохранилась – та доходила до груди. Саманта тяжело вздохнула, скорбя о потере. «Я так долго растила их и ухаживала. Любила их... Какие же все эти работники!» – злилась она. На ватных ногах девушка поднялась с кровати, пошатнувшись. Выходя из палаты, отметила небольшое количество находившихся с ней пациенток в карантинном блоке. Отчасти, повезло, она одна в палате, нет никакой ненормальной рядом с ней. Кое-как дойдя до туалетов с раковинами, Саманта совершила утренние процедуры. Ей противно было чистить зубы выданной щёткой, сколько же ртов повидала она до Саманты? С другими пациентками девушка не контактировала, брезгуя всех присутствовавших. «Я ведь не сумашедшая... Я не такая, как они» – неуверенно убеждала себя она. После умывания их направили на завтрак.

Другой столовой не было, так что находящиеся в карантинной девушек направили в общую тогда, когда обычные пациентки уже почти все поели. Они были все, как одна – неровно постриженные волосы, усталый, замученный вид и какая-то застиранная ночнушка. Зрелище было довольно уныло, и Саманту всё здесь отталкивало. Это слишком контрастировало с её привычной действительностью, так что она чувствовала себя крайне неуютно. Саманта за несколько метров обходила попадающихся на пути женщин и села за пустой стол со стоящим завтраком. За столом неподалёку заметила странную девочку – у той были какие-то чудачковатые два коротких хвоста, несвойственное этому месту радостное выражение лица и разрисованная чем-то цветным ночная рубашка. Неожиданно девочка подняла взгляд на Саманту, из-за чего вторая спешно отвернулась. Но тут девушка видит боковым зрением, как чудачка поднялась из-за стола, скрипнув стулом и зашагала к ней.

– Привет! А я тебя раньше здесь не видела. Ты новенькая, да? – девочка склонилась над столом Саманты, опираясь на него руками.

– Угу, – промычала Саманта, даже не оглядываясь на собеседницу.

– А как звать тебя?

– Саманта, – ответила девушка. Девочка молчала, ожидая, когда же спросят её имя.

– Ты даже не спросишь моё имя, ты такая неразговорчи-

вая! – расстроилась она. Саманта вздохнула, а незнакомка продолжила, – Я Долорес, можно просто Лола, – вновь весело произнесла девочка.

– Слушай, я просто пытаюсь поесть, иди уже. Не то медсестёр позову, скажу, что ты поела, но не уходишь, – пригрозила Саманта, наконец, подняв голову на Лолу, но с далеко не добрым взглядом. Девочка же озадаченно посмотрела на неё.

– Ты какая-то злая. Чего так? Мы же в одной лодке.

– В одной лодке? Нет, я не повёрнутая. Не свихнувшаяся, так что я и вы – разные. Не приравнивай меня к вам, – грубо отрезала Саманта. Лола нахмурилась.

– Ты думаешь, мы тут сумасшедшие? Ну, как знаешь, – бросила Лола перед тем, как начать уходить, – Мой тебе совет. Не говори такое другим девочкам, – напоследок из-за плеча сказала она. Несомненно, Долорес выглядела немного расстроенной. «О чём это она говорит? Точно ненормальная», – подумала Саманта. Конечно, она дала себе простое объяснение – та девочка лишь психичка, которая несёт околёсицу. Но оно не казалось правильным, будто здесь было что-то другое. О нет, почему она вообще об этом думает? Девушка прогнала мысли о Лоле из своей головы, размазывая кашу по тарелке. Та выглядела крайне неаппетитно.

После завтрака выдавали таблетки. Саманте не очень хотелось употреблять это неизвестное по составу нечто, так что, позже девушка выплюнула их. Как только она хотела на-

правиться в палату, её одернула медсестра.

– Тебя сейчас к врачу на обследование отведут. За мной идём, – сказала она. Саманта последовала за женщиной и они дошли до кабинета. Далее девушка зашла уже одна. Внутри за столом сидел мужчина и заполнял какие-то бумажки, но как только заметил зашедшую пациентку, сразу обратил на неё внимание.

– О, здравствуй, – поприветствовал врач, улыбнувшись.

– Здравствуйте, – коротко ответила ему она.

– Саманта, вроде бы? Наслышан о тебе, это ты такой шум ночью устроила? – на его вопрос Саманта прокашлялась, промолчав. Врач решил не давить на эту тему, приглашая её пройти к себе ближе, – С тем, что ты сделала, скорее всего, у тебя истерия. Тебе будет назначено лечение.

Далее врач сделал базовый осмотр. Упомянул, что после её выведут на улицу и проводят в церковь. «В церковь? Зачем?», – задавалась вопросами Саманта.

Тем временем, у Лолы.

– Лола, ты новенькую видела? – заинтересованно спросили девочку её соседки по палате. Она широко улыбнулась.

– Да, я с ней даже поговорила немного. Её зовут Саманта.

– А что ещё она сказала?

– Больше ничего такого, – соврала Долорес, опуская взгляд вниз, не убирая с лица блаженной улыбки.

Англия, Гроувер. Церковь.

Как врач и говорил, после осмотра её отвели в церковь. Саманта зашла в помещение. Медсестра развязала их перевязанные друг с другом запястья, стянула с девушки громоздкую больничную куртку.

– Проходи вперёд. Ты можешь помолиться, пока батюшки нет, – сообщила медсестра. Саманта огляделась. Её встретил длинный зал с высокими потолками. Не расписанный дорогим золотом, не слишком величественный или благородный, но достойный для бедного города. В конце зала находился алтарь, и висела большая католическая икона. Где-то в коридоре стояли маленькие иконки и несколько свечек. Но она прошла в самый конец. Посмотрела на изображение святого. Девушка никогда особо не задумывалась о существовании Бога, о вере или не вере. Поход в церковь вызывал у неё странные, смешанные чувства. «Ладно. Может, это чем-то поможет мне» – решила она. У неё не было при себе свечей, девушка не знала молитв. «О Боже, молю. Помоги мне покинуть это место» – взмолилась она, опуская взгляд. Какое-то внутренне раздражение появилось у неё от мольбы к кому-то, но она постаралась проигнорировать это. Опущенные ресницы слегка подрагивали с каждым сокращением век. Боковым зрением девушка еле уловила сбоку от себя возникшую слабую тень, перекрывшую сплошной поток освещения. Саманта повела глазами в сторону. Незнакомая фигура лишь задумчиво вглядывалась в висящее сверху по-

лотно. Тот сразу заметил взгляд Саманты на себе, но помедлил несколько секунд, прежде чем сказать что-то.

– Ты точно молишься за то, чего правда желаешь? – размеренным и спокойным голосом начал он. То, как и кажется, полагает священнику. Да, несомненно, перед ней стоял священнослужитель, в рясе и с крестом наперевес груди. Едва заметные морщинки на его лице, показавшаяся тонкими волосками седина на ухоженных усах и короткой бородке выдавали в нём мужчину средних лет. Его вопрос удивил её и Саманта поёжилась. Наверное, холодно было в церкви.

– Конечно. Почему вы спрашиваете?, – незамедлительно ответила Саманта, не понимая, о чём он. Или делала вид, что не понимала. Священник всё ещё не смотрел на неё. Это раздавалось лёгким флёром раздражения внутри девушки.

– Прошу прощения, если отвлék. Вовсе не хотел, – перевёл наконец, отвлекшись от картины, мужчина повернул голову к своей собеседнице. Саманта увидела в его глазах глубинное спокойствие, что немного успокоило и её вскипающие эмоции.

– Всё... Нормально. Вы не мешаете, – тихо пробормотала она.

– Ты очень заметный человек. Но я не видел тебя здесь раньше. Ты прибыла в этот город недавно?

– Верно. Но... Заметный человек? – переспросила девушка, непонимающе глядя на собеседника.

– А как же. Эти рубиновые глаза сразу привлекают к себе

внимание. Когда я посмотрел в них, то сразу же вспомнил рувиросы, – объяснил священник, – Необычное явление. Я батюшка Дунстан. Каково твоё имя?

– Саманта.

– Ох, Саманта, – мечтательно произнёс служитель, слабо покачивая головой, – Это имя означает «Посланная Богом». Должно быть, твои родители долго ждали тебя, раз нарекли сеём образом? – заинтересованно продолжал рассуждать мужчина.

– Родители, – тихо промолвила девушка, погружаясь в воспоминания, – Даже не знаю. Моя мать говорила, что очень ждала моего появления, может быть, поэтому.

– А отец? – на вопрос священника девушку немного больно кольнуло.

– Он никогда ни о чём таком не говорил, – коротко ответила она, – Скорее больше брата ждал, – Саманта немного помрачнела. Стыд и вина вновь окатили её, вспоминая брата, а вспомнив отца, в ней занял недолюбленный ребёнок. «Зачем только он заставил меня вспоминать это...» -раздражённо думала она.

– Почему вы интересуетесь? – хмуро спросила Филдс. Священник удивлённо распахнул глаза.

– О, дитя. Прости, если заставил подозревать в чём-то неладном себя. Ничего дурного не хотел, – и священник источал вид простейшей заинтересованности личностью ново-прибывшей незнакомки, что Саманта даже слегка расслаби-

лась во время его искренних вопрошаний. Это ведь простой человеческий разговор, которого у неё давно не было и в недавнее время все люди только и норовили, что отвязаться от неё скорее, что тот надзиратель, что работники в больнице. И только сейчас её будто бы окатили ледяной водой, и она вышла из полудрёма, вызванного безмятежными речами. Он хочет задеть её? Узнать больные точки и надавить?

– Я не допрашивал тебя. Люди приходят ко мне, только сами рассказывая то, что хотят рассказать. Это то место, где нет месту принуждению и козням. Не говори, если не хочешь или не готова, – Саманта выдохнула даже с какой-то благодарностью и стало ей немного стыдно за свои злые вопросы. Но она ещё не готова признать, что была не права или просить прощения.

– Я поняла, – и вслед за её словами, сзади возник какой-то другой голос.

– Пора возвращаться, – сказала медсестра, уже перебирая в руках парочку верёвок, готовая привязать Саманту к себе. Девушка лишь кратко кивнула, бросив на священника прощальный взгляд. Когда две фигуры уже начали отдаляться, священник бросил в спину девушки.

– Ты всегда можешь прийти сюда и рассказать, что пожелаешь. Здесь тебя всегда ждут. Бог с тобой, дитя, – сердце девушки на секунду согрелось добрым словом.

Англия, Лондон. Замок ???.

Снизу раздавался железный звон вилок о тарелки, звуки чайной ложки, мешающей сахар в сервизной кружке. В нос бил запах свежеприготовленной еды. Слышались приглушённые голоса где-то отдалённо, а глаза слепили солнечные лучи. Всё было пропитано атмосферой утра. Златовласая женщина спускалась по ступеням белого мрамора витиеватой лестницы. «Я не уверена, стоит ли мне вообще являться к ним» – сомневалась она. Оказавшись внизу, перед ней предстаёт трапезничающая утренним кушаньем семья. Два пустующих стула неприятно укололи сердце.

– О, Элизабет, с добрым утром. Прекрасно выглядишь, – откровенная лесть. Сложно не заметить отчётливо отёкшее лицо, – Прошу, присаживайся, – вежливо предложила женщина средних лет.

– Миссис Беатрис, – натянуто улыбнулась Элизабет, – Благодарю. Всех с добрым утром, – и, как только Элизабет уселась, обмен любезностями между членами семьи продолжился. Правда, сложно было не заметить большую притворность этих разговоров сейчас, чем во все прошлые утра.

– Элизабет, на самом деле мы думали, что ты сегодня не придёшь на завтрак, – сказала миссис Беатрис. Элизабет так и ощущала скрытый укор в каждом слове, обращённом от членов семьи к ней. Очевидно, так все выражали к ней внутреннюю злобу. «Я была права. Никто не хочет видеть меня, – В дверном проёме появилась чёрная макушка, – Ну, вероятно, все, кроме него».

– С добрым утром, бесконечно рад наблюдать всех присутствующих в добром здравии, – поприветствовал зашедший мужчина, и аристократы сразу замолкли. Он был как белая ворона среди Дэвнпортов, единственный имел эти чёрные волосы и грубые черты. А все остальные истинные Дэвнпорты были равны как на подбор, обладали каштановыми волосами, карими глазами, острыми точёными, аристократично-элегантными чертами лица. Мужчина пробежался глазами по сидящим за столом, задержавшись взглядом на Элизабет. На секунду его взор смягчился, но он быстро отвёл глаза от неё, отмечая три пустующих места – Однако Джереми я не наблюдаю, так что сами делайте выводы, – его выпад вся семья тактично пропустила мимо ушей и только Элизабет подала голос.

– Даниил, – она признательно улыбнулась ему, – Даже с утра пораньше ты не изменяешь самому себе. С добрым утром, – мужчина открыл рот в улыбке, готовясь ответить, но его опередила женщина.

– Чтоб ты знал, у Джереми много работы, в отличие от некоторых, – нежданно влезла в разговор миссис Беатрис. Он презрительно повёл бровью.

– У Джереми много самомнения. Уверен, он думает, что семейные завтраки это глупости, недостойные его внимания, – пожав плечами, будто бы непринуждённо говорит Даниил.

– Даниил! Как не стыдно, рассказывать о брате гадости,

ещё и в присутствии всей семьи, – возмутилась мать двух сыновей, – Уильям, скажи ему!

– О, миссис Беатрис, нет нужды в беспокойстве, – с толикой театральности произнёс он. Затем как-то саркастично ухмыльнулся, – Я и в лицо ему такое говорю, – и отец встаёт, громко приложив руки к столу.

– Довольно. Ты и семейное времяпровождение в черти что превращаешь, – нарочито грубо начинает он, – Не надоело? Обуздай свой нрав, знай когда, где и что можно говорить. Тем более, сейчас, когда все прибывают в стрессе, – холодно отчитал мистер Уильям, на что Даниил лишь хмыкнул, встал со стула и ушёл прочь из-за стола, только напоследок остановившись у лестницы.

– Ах да, возможно и Джереми не пришёл, чтобы не наблюдать меня лишний раз, учитывая то, насколько кислее прежнего стали ваши лица, как только появился я. Спасибо, позавтракал, – бросил он через плечо, уходя прочь. Элизабет тяжело вздохнула. «И стоило омрачать это утро ещё больше?» – возник немой вопрос. За столом воцарилось напряжённое молчание. Элизабет не лез и кусок в горло, поэтому она поспешила удалиться, под предлогом принести завтрак в кабинет мужа.

– Как его жена, я ведь должна позаботиться о нём, – неловко улыбнувшись, оправдывалась она, – Прошу прощения, что оставляю вас. Всем приятного аппетита, – взяв поднос с едой, направляется к лестнице она. «Какой цирк. Они толь-

ко и ждали, когда же я поскорее покину их» – поднявшись, Элизабет стучится в дубровую дверь. По ту сторону мужской голос безразлично отвечает «Войдите!». Она тянет ручку, заходя внутрь и застаёт Джереми стоящим у окна, вчитывающимся в неизвестные бумаги. Она подходит ближе, ставя на столик поднос. Он даже не оборачивается.

– Джереми. Я принесла тебе завтрак.

– Да-да. Большое спасибо, можешь поставить, – отмахнулся от неё муж. «...можешь поставить и уйти» – подумала Элизабет, и это и было истинным окончанием его фразы, не сказанным возможно лишь по тому, что он не хочет отвлекаться лишний раз.

– Я не просто так пришла. Нам нужно поговорить, – честно призналась она. Наконец, он поворачивается к ней лицом, отвлекаясь от своих документов.

– Что тебе сейчас надо? Разве ты не видишь, я занят! – сердито произнёс Джереми. Сведённые брови, прищуренные глаза, всё выдавало в нём сдерживание внутреннего гнева.

– Тебе не помешает на пару минут отвлечься от своих бумажек. Это важно, – настояла Элизабет, – Мы не можем оставить её там.

– Элизабет, прекрати. Мы уже всё решили и она не вернётся.

– Джереми. Она наша дочь, мы не можем так поступить, – кротко возразила женщина. На что мужчина взорвался, в ярости посмотрев на даму.

– Наша дочь? Повтори пожалуйста, наша дочь? О нет, нет, нет, – тихо и пугающе произнёс он, ступая вперёд. Он наклонился к ней, кладя свою руку на её плечо и сжимая. Женщина почувствовала боль, – Это твоё отродье и она убила, убила моего сына, единственного наследника! – с тихого тона он внезапно перешёл на крики. Его непредсказуемость пугала Элизабет всегда. Женщина удручённо вздохнула и всё же нашла в себе силы посмотреть на мужа.

– В том и дело! У нас больше нет детей, если она вернётся, мы непременно выдадим её замуж, и она родит ребёнка. Если тот будет мальчиком, то и станет наследником! – отчаянно убеждала его она. Но в ответ он схватил её за руку, до боли сжав запястье.

– Заткнись, глупая женщина, неужели ты не понимаешь? Никаких наследников от этой ошибки! Какой кошмар, у нас же даже больше нет детей, – разочарованно произнёс он, – Потому что ты бракованная женщина, больше не способная родить.

– Джереми, я понимаю, но... – возразила Элизабет.

– Лучше помолчи. Или ты хочешь вновь проверить, способна ли ты родить ещё? – перебил он. Джереми толкнул её к стене. Его рука скользнула вниз к её груди, до боли сжимая. Элизабет в страхе оглянулась на него.

– Не надо... – промолвила она. Джереми проигнорировал. Мужчина грубо расстегнул пуговицы у её платья, обнажая женское тело. Рука мужа легла на шею женщины, силь-

но сжимая и оставляя багровые следы. Он упивался болью и страхом, который она испытывала. Джереми поднял подо­лы её платья и притянул тело ближе к себе. Это надо пере­терпеть. Она терпит это всю их супружескую жизнь. Однако мерзкое чувство в груди всё равно не покидает её. Ничего не происходит. Это странно. Элизабет чувствует, как её платье опускается, а Джереми отстраняется с охладевшим выраже­нием лица.

– Уходи. Я сейчас всё равно ничего не хотел, – безраз­лично сказал он. Видимо, просто хотел напугать, – И, чтобы ты не забывала. Ты женщина, ты слушаешь и повинешься. А я мужчина, я главный, я решаю. Так что больше не смей оспаривать мои решения и поднимать эту тему, – жена удру­чённо вздохнула на его слова. Она застегнула платье и по­кинула комнату. Элизабет вышла, закрыв за собой дверь и обессиленно облокотилась на неё. Слава богу, ничего не про­изошло. И неважно, что говорит Джереми, разрешит он или нет, мать вернёт своего ребёнка. А пока, её внимание при­влекают разливающиеся мелодии фортепиано. Она идёт на звуки музыки, что ласкают уши, заставляя забыться. Мело­дия приводит её в музыкальный класс. Музыкантом оказал­ся Даниил. Она тихо подходит и аккуратно присаживается рядом, не отвлекая его. В нотах узнаёт мотив и принимает­ся за игру. Ближе к концу они оба быстро перебирают паль­цами по клавишам, гонясь за нотами. В окончание бьют по «фортиссимо», создавая громкий трепещущий звук. Элиза-

бет выдыхает, довольствуясь игрой, и оборачивается на Даниила. Слабая улыбка озарила его лицо. Он редко улыбается так искренно.

– Как давно мы не играли вместе, – начала Элизабет, вспоминая минувшее.

– Ты права. Но я не забыл, как приятно играть с тобой.

– Боже, не лести мне, – усмехнулась она. Он взглянул на неё и кажется, в его глазах отпечаталась её улыбка и блестящие на солнце золотые кудри.

– Не переживай из-за утра. На меня только что Джереми тоже наругался, совсем как отец на тебя, – Даниил помрачнел, вспомнив о брате.

– Джереми на тебя? Как посмел опять? – затем Даниил заметил красные следы на шее женщины, выглядывающие из под воротника, – Вот чёрт, этот мерзавец, я бы ему...

– Я, – отвела взгляд Элизабет, немного ткнув, – опять начала оспаривать его решение оставить Саманту в Гроувере, – найдя силы взглянуть на него, заметила его внимательный взгляд.

– Я понимаю тебя. Так ведёшь себя, думаешь, буду ополчаться против тебя как вся семья?

– Не знаю уже. Мне тяжело. Джордж мёртв... Саманту забрали от меня. Я хочу вернуть хотя бы дочь, я люблю её, несмотря на то, что она убила Джорджа, – женщина задрожала, – Я ужасная мать.

– Нет, – мужчина потянул к ней руку, облакачивая на

себя, – Ты не могла знать того, что случится. Ты не виновата в том, что родила «чудовище» Саманту, как они говорят, – и обнял её, почувствовав, как его плечо намокает от её слёз. Долго это действие продолжать нельзя, заметят, не так поймут. Поэтому она медленно отпрянула, вытирая горячие капли, – Я... верю, что ты сможешь с ней воссоединиться, – как-то неуверенно произнёс он, будто сам не веря в правдивость своих слов.

– Спасибо тебе. Ты всегда был моим единственным другом в этом доме, – поблагодарила Элизабет. Наличие его рядом всегда приносило её сердцу тепло.

– Я должна идти, прости, – извинилась она, вставая с места.

– Конечно, иди. Я не возражаю, – с толикой грусти в голосе произнёс он, – Мне, как бы то ни было, тоже скоро нужно отправляться. Работа.

Англия, Гроувер. Психиатрическая клиника.

Из церкви Саманту вновь увели обратно в больницу. Она не желала снова возвращаться в эту клетку и лишаться свежего воздуха, дарующего хоть и ложное, но ощущение свободы. Как только они зашли в здание, медсестра стащила с неё тёплую вещь, бросая на рядом стоящий стул.

– У тебя плановые лечебные процедуры. Идешь за мной, – схватив её за руку, повела она. Когда они зашли в нужную комнату, Саманта увидела большую ванну перед собой. Бе-

лое покрытие той местами было отодрано, ванна выглядела немного заржавевшей. Плиточный пол и стены, уже где-то пожелтевшие, где-то и вовсе прогнившие. В дверном проёме появляется медсестра.

– Снимай всё с себя и полезай в ванную, – равнодушно бросила медсестра. Саманта легко сбросила с себя растянутую больничную сорочку. Неловко прикрылась руками в недозволительных для чужого взора местах. Дальше шла другая головная боль – залезть в эту убогую ванну. Девушка брезговала, и выражение неприязни не могло не отразиться на её лице в сведённых вниз уголках губ, в отведённых глазах, лишь бы не смотреть туда. Медсестра замечает её выражение лица.

– Я не пойму, тут нашлась, что ли принцесса белоручка? – в претензионном тоне сделала укор девушка, – Нет, ну вы посмотрите на неё, приехала тут лондончанка и нос свой избалованный воротит. Полезай, а то сама засуну! – пригрозила напоследок она.

– Да, брезгую, потому что видела нормальные ванные, – «В отличие от вас», закончила в мыслях она. Но съязвишь, не съязвишь, придётся лезть туда. Зажмурившись, она ступила ногой, затем другой. Присела, сжавшись всем телом, будто то поможет ей лишний раз не ощущать эту шершавую противную поверхность. На слова девушки медсестра ещё о чём-то возмущалась себе под нос, но Клоуфорд не стала обращать внимание. Ванна стала набираться обжигающей

жидкостью. Девушка поморщилась от жгучего ощущения по всей коже и посмотрела вниз. По её ступни ванна была наполнена кровью. Девушка прикрыла рот ладонью, удерживаясь от собственного вскрика. Дыхание спёрло. Она подняла голову вверх. Работница лишь спокойно лила в ванну вёдра. Преспокойно лила вёдра, полные крови. Её белый халат был испачкан таким контрастным бордо от периодически падающих на неё капель. А кровь была тошнотворно разгорячённой, будто только что выкаченной. Саманта купалась в чьей-то крови. Ладонью она сдерживала не только вскрик, но и рвотный позыв. Руки начинают слабо трястись. Саманта медленно моргает. Следующее мимолётное погружение во тьму рассеивает видение, как только она снова открывает глаза. Перед ней обычная вода. Возможно, с лёгким оранжевым оттенком. Всё такая же горячая. Саманта, всё ещё не отошедшая от инцидента, ошеломлённо замирает, не осознавая, что только что произошло. Пока её сверху не окатывает холодной водой. Теперь тело шокировано мало того, что ненормированными температурами, так и их последующими перепадами. Девушка задрожала всем телом, схватилась за плечи. Яростно оглянулась на медсестру.

– Ч-чт-то вы тво-р-р-ит-те? – Саманта хотела закричать на неё, но единственное, что она могла выдать это заикающиеся сбивчивые упрёки.

– Это водные процедуры, помогут изгнать бесов из тебя. Сиди и помалкивай, – грубо отрезала медсестра.

Англия, Лондон. Замок Дэвнпортов и Клоуфордов

После встречи с Даниилом женщина направилась в свою комнату. Она, в самом деле, не знала, с чего начать. Поэтому первым делом кинулась за первое, пришедшее на ум – написание письма. Женщина нашла листок, взяла перо и чернила. Начала писать. Отправить через свои связи попросит Даниила, поскольку сама будет вряд ли способна. Как дело было закончено, начала рассуждать о плане. «Прежде всего, побег будет совершён ночью. Джереми в последнее время много работает, поздно приходит в комнату, так что сбегу ночью через окно. В кровать, на всякий случай, подложу блондинистую куклу. Возьму все свои украшения, там потом в ломбард заложу» – затем она решила, что другую часть денег попросит у Даниила. Только ему доверит информацию о своём предстоящем побеге. Внешность изменит, как заберёт дочь, так уедет в далёкое неизвестное место, да будут жить там тихо вместе, не высовываясь. После побега подцепит какого-нибудь непридирчивого кучера. Да, ехать в глушь надо и везти женщину, но за хорошую плату не откажет. Главное на глаза много кому не попадаться. Так она успокаивала себя. Было рискованно, и тревога терзала сердце Элизабет. Женщина помнила, чем однажды закончился её побег. Его слова внезапно возникли в её голове: «Прошу, сохрани нашего ребёнка». И это подняло её дух. Женщина положила перо на стол, схватила письмо и поднялась с места, намере-

ваясь найти Даниила. К этому времени он уже обычно уходил по своим делам, так что, ей придётся потрудиться, чтобы найти его. Перед тем, как выйти, засунула письмо за корсет платья.

Облачившись в тёплые меха, знатная дама вышла из богатого поместья. Она шумно вдохнула прохладный осенний лондонский воздух, выдыхая еле видимый пар. Её душе было печально. «Если он не позволит себя уговорить, то я сама всё сделаю. Нет ничего страшнее, чем мать, защищающая своего ребёнка» – твердо очертила в мыслях она. Направилась в полицейский отдел. И столкнулась с ним, вышедшим из здания. Тот удивлённо глянул.

– Элизабет? Что ты тут делаешь? – спросил Даниил

– О, как хорошо, что ты вышел сейчас. Я пришла к тебе. По делу, – серьёзным тоном ответила женщина. Он посмотрел в одну-другую сторону. По улице проходило множество людей.

– Ну, тогда, отойдём, – с этими словами, он нежно коснулся её предплечья, не спеша уводя к более безлюдному месту. Она послушно пошла за Даниилом. Когда они остановились, Элизабет скользнула рукой под накидку, залезая под корсет и нащупывая письмо.

– Это, – указала она на вытащенное письмо, – Мне нужно, чтобы ты отправил это письмо к Саманте втайне от Джереми, вообще от всей семьи.

– Зачем? Ты хочешь, таким образом, с ней общаться? –

недоумённо спрашивал Даниил.

– Нет-нет. Я, – секунда сомнения, – Я решила, что сбегу к ней. В письме написано, чтобы она сама не сбежала и ждала меня. Заберу её оттуда и уеду в какую-нибудь глубинку. Никогда больше не вспомню о Дэвнпортах, о Клоуфордах, о нашем деле, никогда не явлюсь к ним. Просто буду счастливо жить с Самантой, – и перед собой женщина видит обомлевшего Даниила.

– Что? Ты сошла с ума, разве ты не помнишь, чем кончился твой прошлый побег? А если на дороге разбойники, а ты одна слабая женщина, а если кучер непорядочный, а если Дэвнпорты узнаю, – сыпал он обеспокоенными доводами, пока Элизабет не перебила его.

– Ш-ш-ш. Прошу, выслушай меня, – приложив палец к его губам, спокойным голосом успокаивала она, – Я не смогу жить без неё. Если я ничего не сделаю, она навсегда останется там. Но если я попробую, возможно, мы снова будем вместе. Счастливы. Я не смогу жить со знанием, что я ничего не сделала. Сложила руки, смирилась с её потерей. Пони-маешь меня? – она убрала руку от его лица, и Даниил пару мгновений молча стоял в глубоких раздумьях и терзающих переживаниях за подругу.

– Я понимаю. Но моя душа беспокойна за тебя, – сомневался мужчина

– Я отдаю себе отчёт в том, что это рискованно. Но ты сам понимаешь, что я не способна по-другому. Прошу, помоги

мне. Отправь письмо. И, не сочти за наглость, но я имею смелость просить у тебя деньги, – на её просьбы Даниил лишь тяжело выдохнул.

– Мне не сложно сделать эти примитивные вещи. Сложно отпустить тебя. Давай письмо, – сказал мужчина, попутно находя в сумке кошель.

– Даниил, – рассыпаясь в радости, проговорила его имя Элизабет, – Спасибо. Спасибо тебе большое. Я бы обняла тебя, но люди не так поймут, – неловко проговорила женщина.

– Не стоит. Мне достаточно счастья на твоём лице в качестве благодарности. Но взамен пообещай мне собственную целость и сохранность, – попросил он. Затем вложил купюры в руки Элизабет.

– Я сама не желаю попадать в неприятности. Ради Саманты и тебя я постараюсь.

Англия, Гроувер. Психиатрическая клиника.

Продрогшую испуганную девушку вытащили из ванной, сразу оборачивая в холодные, мокрые полотенца и оставили стоять так пару минут. Саманта обвиняла всех работников этой больницы в их методах лечения. Однако даже возразить что-то ей было сложно из-за стучащих зубов. «Может, я это заслужила?» – внезапная мысль посетила её голову. Нет, нет! Почему она думает о таком? Такой ужасный бред она всегда гнала от себя подальше, никогда не допускала появления его в своей голове. Возможно, в глубине своего сердца Саманта

начала чувствовать все эти ненавистные чувства по отношению к себе ещё тогда, когда услышала тот разговор. Когда была ещё совсем малышкой. Но тогда же она и решила высечь все эти мысли из себя, однако, их может и можно искоренить. Сейчас все те подавленные эмоции, замолчанные чувства будто всплыли одним большим потоком, накрывая, захлёстывая Саманту с головой. С ними нахлынули и воспоминания, добивая до конца. Дрожь усилилась, уже не из-за холода. «Нет. Я не хочу вспоминать» – отказывалась девушка, но она не была властна над этим. Это была Англия 1873 года в замке семьи. Маленькая девочка шла по большому пустынному коридору замка. Ей было скучно, та не знала, чем себя занять. Среди гробовой тишины эхом отдались чьи-то голоса. «Развешу-ка я свои уши» – хитро подумала девочка. В конце коридора проглядывался маленький поток света из-за щели немного приоткрытой двери. Девочка тихими шагами подошла ближе, заглядывая сквозь неё. Там она увидела своих бабушку и маму. Первая отчитывала за что-то свою вторую. Саманта прислушалась.

– Но она совсем как мы. У неё те же золотые волосы и красные глаза, – спорила Элизабет.

– Как мы? Как поверхностно ты судишь, всего то какие-то волосы и цвет её очей... – нарочито спокойно ответила Лилуокалани, продолжая, – Разве ты не видишь, эту форму глаз Саманты? Они большие и круглые. Всё бы ничего, она красива, я не отрицаю. Но те совсем как у того мальчишки, сред-

ни ни у Клоуфордов, ни у Дэвнпортов глаз таких не было. Её круглые щёки, вздёрнутый нос. Её происхождение сразу заметно, именно поэтому она никогда не сможет быть принята в нашей семье, – закончила она. Элизабет склонила голову в печали. Сердце матери обливалось кровью за своего ребёнка

– Пусть вы не принимаете её, я всё равно буду любить свою дочь, – сказала Элизабет. Её мать усмехнулась.

– Конечно, ты будешь любить этого гадкого утёнка. Но от этого она не станет прекрасным лебедем. Я рада, что ты смогла родить другого ребёнка. Джордж наше счастье, – дальше Саманта не слушала. Так вот, почему её все сторонятся? Она догадывалась, но до конца не могла сформировать причину в своей голове. Теперь всё встало на свои места. Девочка пошла куда-то вперёд в расстроенных чувствах и зашла в какую-то комнату. Это оказалась библиотека. Её огромный зал скроет Саманту от посторонних глаз. Зайдя за какой-то стеллаж книг, она спустилась вниз, присела на пол и спрятала лицо в коленях. Её спина и плечи содрогнулись, и она тихо заплакала. В ряду, где сидела Саманта, появилась некая фигура. Кто-то присел рядом с ней.

– Сестра? – сказала фигура. Саманта подняла голову и увидела Джорджа. Тот увидел её заплаканные глаза и обеспокоился.

– Что случилось? – спросил он, но Саманта лишь озлобленно посмотрела на брата, вставая и вытирая слёзы.

– Ничего. Отстань, – грубо произнесла сестра и убежала

в глубоко расстроенных чувствах, оставляя Джорджа в тревожном смятении. Брата она видеть не желала, испытывая неприязнь и зависть к нему, будто он виноват в отношении семьи к ней и к нему. С тех пор брат и сестра были в разладе, Саманта сожгла все мосты отношений с Джорджем и даже лишней раз не перекидывалась с ним парой слов.

1882, Англия, Гроувер. Психиатрическая клиника.

По щекам девушки покатались слёзы. Она не хотела плакать сейчас, не из-за этих глупых воспоминаний, не в присутствии этих людей. Но с её губ предательски сорвались всхлипы, выдавшие Саманту.

– Ты чего это? Ревёшь? – надменно спросила медсестра, – Ну конечно, ты же истеричка. А ну перестань, – приказала медсестра, дёргая девушку за плечи. Саманта с болью в глазах посмотрела на неё, отчего лицо медсестры исказилось ещё больше. Женщина крикнула что-то про успокоительное. Девушка не разбирала точно. Через время подошла другая работница со шприцом в руках. Пока первая медсестра держала Саманту, вторая вонзила иглу в кожу, вводя какой-то препарат. Через несколько минут девушка ощутила слабость во всём теле, и её потянуло в сон.

Англия, Лондон. Ночь в замке Дэвнпортов и Клоуфордов.

Во тьме полумрака стояла некая фигура. Лунный свет синевой слабо освещал её очертания, ветер из открытого окна красиво развеивал белый шлейф. Она была расслаблена,

все приготовления перед побегом были совершены. Женщина меланхолично вспоминала минувшее.

– Я сохранию её, как ты просил, Дариус, – тихо сорвалось с её губ. Слова ушли в темноту ночи, безмятежную пустоту.

Дариус – мальчишка, с которым она познакомилась на свой четырнадцатый год жизни. Ему было столько же. Девушка была образованной аристократкой, по совместительству дочерью богатых и влиятельных людей. Уже через два года Элизабет должна была выйти замуж и родить ребёнка. А Дариус был всего лишь взбалмошным и простым парнем, его отец выходец из бедного простонародья.

В тот день, на редкость, было солнечно. Как часто это для пасмурного Лондона? Сколь неожиданно было внезапное посещение солнца в город, столь и неожиданным было поведение Элизабет. Обычно спокойная девочка, сейчас сорвалась на собственную мать и учителя, крича и обвиняя всех и вся. В гневе, убежала из тронного зала, сверкая златовласой макушкой, а после покинула и замок, даже не разбирая, куда направляется. Путь привёл её к реке. Элизабет Клоуфорд резко плюхнулась на траву совсем не как леди и обиженно уткнулась в колени. Она то злобно ругалась в своей голове на весь замок, то горестно жалела саму себя. Из себя её вывел непрекращающийся звук всплесков воды. Она в раздражении подняла голову, заметив дальше по берегу фигуру мальчика, кидающего камни в воду. «Зачем он это делает?» – недоуменно вопрошала аристократка, пристально

смотря на незнакомца. Она отметила, что мальчик был бедно одет. Простые коричневые штаны, застиранные и потёртые. Местами даже с вшитыми кусками другой ткани, очевидно, на месте дыр. Простая рубашка, возможно, когда-то она была белой. Стопанная обувь и растрёпанная голова. «Из бедных» – подумала Клоуфорд. А тот в свою очередь, будто почувствовав чей-то взгляд, обернулся. Её сердце дрогнуло, и она поспешила собираться уходить. Он опешил, смятенно округлил глаза и нервно окрикнул её.

– Стой! – выпалил парень, подбегая к ней. Элизабет испугалась пуще прежнего и была готова пуститься в бегство, уже делая пару шагов на попятную от незнакомца. Мальчик заметил страх в глазах девочки напротив.

– Слушай, я не хоте... – и, не успев договорить, Элизабет опережает его...

– Ааа! Не трогай меня, я аристократка знатного рода, вся моя семья тебя..! – мальчик отскочил от неё на секунду от удивления, но прежде чем девочка бросилась от него, он успел схватить её за плечи, на что та коротко вскрикнула. Парень впечатал девушку в рядом стоящее дерево и серьёзно посмотрел в её глаза, а Элизабет в страхе замерла. В груди разливался бешеный ритм бьющегося сердца от зашкаливающего адреналина. Мальчик удручённо выдохнул.

– Извини, что напугал. Я правда не желал тебе ничего плохого... Просто ты начала уходить сразу как меня увидела, а я подумал, что так не хорошо. И не хотел, чтобы ты про-

сто ушла из-за меня, – сочувствующе объяснялся мальчик, немного нервно улыбаясь, – Потом увидел, какими глазами ты на меня смотришь. Как на зверя. И совсем стыдно стало. Не убегай сейчас только, – закончил он, убирая свои руки с неё. Элизабет немного расслабилась, но, не желая подавать голос, смотрела вниз, на траву. А незнакомец выжидательно на неё. В воздухе повисла немая пауза. Мальчик прокашлялся, испытывая большую неловкость.

– Ну, меня Дариус зовут, – стараясь разрядить обстановку представился он, – Дариус Филдс.

– Элизабет, – кротко произнесла она. Но мальчик не слышал. Тогда она наконец взглянула на него и твердо произнесла.

– Моё имя Элизабет. Клоуфорд, – затем остановилась, вспоминая что-то, – А, вспомнила. На уроках я слышала о значении твоей фамилии, кажется, «человек, живущий у поля». Твоя семья работает на поле?

– О, как верно ты подметила. Голова! – с добродушной улыбкой проговорил он, – Я, правда, не мыслю ничего во всех этих фамилиях и именах, ты уж прости. Но твоё имя и фамилия, такие... – призадумался он, подбирая слово и прикусывая губу, – Такие утончённые, очень подходят тебе! Вот, даже не помню, откуда слово этакое услышал, – Элизабет еле видно смутилась и прокашлялась

– Не говори такие странные вещи.

– Да чего сразу странные, – эмоционально разведя рука-

ми, оспорил он, – Ты слишком сдержана, точно сидишь в своём замке и весь день свои уроки учишь. Пошли со мной, – с этими словами он взял её за запястье, ведя к реке. Элизабет начала возмущаться, но Дариус не остановился.

– Я делал блинчики на воде, пока ты не пришла. Можешь тоже попробовать, – сказал он, оказавшись у реки. Дариус нагнулся к земле, ища плоские камни, следом передавая их в руки Элизабет. Она с непониманием посмотрела на него и камни.

– Делал “блинчики” на воде? Из камней? Что прости? – Дариус ошеломился её словам.

– Так ты даже это не знаешь? Какая жуть.

– Можешь просто показать, – нахмурившись его комментарий сказала Элизабет. Дариус взял один камень и под наклоном бросил вперёд. На воде друг за другом появилось 4 следа, быстро пропадавшие.

– Вот, видела какие следы сделал камень? Круглые, потому и блинчики.

– Я поняла, – затем Элизабет повторила действия Дариуса. Блинчиков вышло пять.

– О, ты только первый раз сделала, но уже всё получилось, – изумился он. Девушка победно ухмыльнулась. Дариус взял камень и вновь кинул. Вышло неудачно, а брызги воды неожиданно попали на аристократку.

– Ой, прости! – выпалил Дариус. Элизабет выглядела недовольной и, наклонившись к реке, девушка зачерпнула

немного воды, брызгая в сторону Дариуса. Тогда и он принял этот вызов, делая то же самое по отношению к ней. Так прошло пару минут.

– Дариус, прекрати! – говорила она в суматохе, но в душе эта детская шалость и правда приносила ей удовольствие. Она плескала в него в ответ, её благородное платье уже было мокрым, юбка стала тяжёлой от впитанной воды. Вещи Дариуса прилипли к мальчишескому телу. И между тем, солнце садилось за горизонт. Закат расписал небо в множество ярких красок, и множество оттенков, что они давали, раскрасили спокойную голубую гладь. На берегу показалось несколько неизвестных фигур.

– Элизабет! – строго восклицала мать, – Несносная девочка, – затем возникли несколько слуг. И все в ярости глядели на пару. Элизабет пугливо оглядывалась то на пришедших, то на Дариуса.

– Дариус, прости. Я должна идти, – спешно произнесла она. В последний момент он дотронулся до неё и Элизабет обернулась.

– Постой. Мы встретимся ещё? – с надеждой спросил он. Элизабет меланхолично отвела взгляд.

– Я... Не знаю, – последнее, что она сказала, прежде чем покинуть его. Он остался на берегу, смятенно стоять, наблюдая, как неизвестные люди кричат на Элизабет и уводят её дальше.

Тем не менее. Свою следующую встречу пара получила

и растянулись их встречи на последующие два года. Когда подросткам пошёл шестнадцатый год, они поняли, что Элизабет беременна. Сначала в их души проникла нотка страха, что же они будут делать? Она аристократка, забеременела до замужества, так ещё и от бедного мальчишки. Но их любовь победила сомнения, так Элизабет Клоуфорд и Дариус Филдс приняли решение бежать вместе в поисках лучшей жизни и возвращая плод совместной любви. Между предстоящими трудностями и совместным счастьем для них перевесило второе. Перед ночью побега влюблённые встретились утром под тем же местом, на котором впервые друг друга увидели.

– Я даю тебе обещание, что мы сбежим, – поддерживал её он, держа руки Элизабет в своих. Девушка покачала головой. Он дал ей короткий поцелуй прежде, чем они распрощались. За деревом послышался шелест листьев.

Достигнув дома, Элизабет пулей влетела в комнату. Под половицей была небольшая шкатулка со сбережениями. На первое время хватит. В шкафу припасены тёплые вещи и для парня, и для неё. Они знают, на какой корабль сядут.

Когда солнце потухло, оставляя задачу освещения на луну, Клоуфорд встала с кровати. Одевшись, она взяла всё нужное и юркнула в открытое окно.

Они встретились всё у той же реки. Элизабет и Дариус не стали медлить, сразу направившись в порт. Дорога не представляла проблем, тёмная одежда и покров ночи скрывал их личности. И только тогда, когда вдали завиднелись белые па-

руса, их путь преградило несколько человек. Оглянувшись, сзади они увидели ещё одно окружение. Для разбойников, те были слишком хорошо одеты. Прежде чем пара успела что-либо сделать, парня и девушку схватили сильные мужские руки, а из-за толпы вышло несколько знакомых лиц. Те были никем иным, как её женихом, Джереми, отцом жениха, мистером Уильямом Дэвенпорт, матерью миссис Беатрис Дэвенпорт и самими матерью и отцом девушки, Лилиуокалани, Альбертом. Сердце ушло в пятки.

– Это.. Просто до невозможности возмутительно. Я не ожидала, что ты опустишься до такого, Элизабет, – презрительно процедила мать девушки.

– Я думал, что это всё лишь твои глупые девичьи шалости. Что ты наиграешься, и бросишь этого парнишку, спокойно выйдешь замуж. Поэтому не обращал внимания на эту ситуацию, но видимо, был не прав, – спокойно, но холодно произносил отец, – Я разочарован в тебе, юная леди, – девушка обречённо посмотрела на Дариуса. Он злился, не принимая действительность

– Это конец, – прошептала она ему со слезами на глазах, затем громко произнесла, обращаясь к семье, – Прошу. Отпустите его, он ни в чём не виноват. Меня вы можете выпороть. Можете выпороть его, только прошу, отпустите потом, – взмолилась к ним Элизабет. Единственное, что она сейчас могла сделать.

– Это слишком сильный проступок, – отрезал мистер Дэ-

венпорт. Его жена в согласии закивала. Мужчина начал шептать что-то отцу Элизабет.

– Тащите обоих в особняк Дэвенпортов, – прокомандовал Альберт.

Особняк Дэвнпортов. Глубокая ночь

Стены, потолки были безупречно выкрашены в тёмные цвета с узорным орнаментом. Комната была выполнена в готическом стиле. Мрак освещало несколько свечей. Туда и завела прислуга брыкающуюся девочку. Перед ней вывели не менее рьяно сопротивляющегося мальчишку. Он стоял в центре, а вокруг него, как бы кругом встали Клоуфорды и Дэвнпорты, несколько слуг. За спиной маленькой Элизабет оказалась Лилиуокалани. Та наклонилась к лицу девочки, сложив свои руки на её плечах. В середине за спиной Дариуса появился Альберт.

– Элизабет. Не плачь. Смотри и не отворачивайся, – твёрдо наказала ей мать. Взмахнул кинжал.

– Нет! – истошным криком залилась она, вырываясь к любимому. Однако держащие руки её матери не позволили Элизабет рвануть к нему. Дариус задёргался, но не был способен выбраться из верёвок. Палач с силой развернул парня к себе лицом, вгоняя оружие в живот. Вынул, вогнал снова. **Вынул, вогнал снова. Вынул, вогнал снова.** Он повторил это действие ещё пятнадцать раз. А для Элизабет это короткое быстрое мгновение как в замедленной съёмке происходило мучительно долго. Последнее ранение пришлось

в сердце парня. И ровно в этот же момент сердце девушки разбилось. По её щеке покатилась одна скупая слеза. На это Лилиуокалани лишь одарила дочь злым взглядом.

Когда отец грубо оттолкнул парня, он был больше не в силах стоять и рухнул на пол. Руки с её плеч пропали, и как только она почувствовала это, рванула к нему. Падая на колени, Клоуфорд принялась обхватывать дрожащими руками родное лицо, капая горячими слезами на его черты. Из рта текла красная жидкость, парень заметно побледнел. Он всё ещё, хоть и слабо, но дышал.

– Элиза, я люблю тебя. Прошу, сохрани нашего ребёнка, – на последнем издыхании сумел выговорить он.

– Конечно, Дариус, конечно. Я тоже люблю тебя. Прости, прости меня, – проговаривала она сквозь слёзы. Парень слабо улыбнулся, ещё успев услышать ответ его возлюбленной, прежде чем его глаза навеки закрылись.

– Я надеюсь, это послужит для всех уроком. Особенно для тебя, Элизабет, – подал голос отец, обращившись на дочь через плечо. Но она не слушала.

Возможно, сам Бог любви был опечален их трагедией и сжалился, ведь после той ночи у Элизабет не случился выкидыш. На удивление, её всё равно отдали замуж за планированного ранее жениха, несмотря на беременность от другого парня. С тех пор он стала миссис Дэвнпорт, потеряв свою коренную фамилию. Элизабет сохранила своё дитя и родила здоровую девочку. Её круглые добрые глаза были совсем как

у папы и всегда, глядя в них, Элизабет невольно вспоминала любимого. Она нарекла дочь Самантой, посланной Богом. Именно в дочери девушка нашла своё счастье.

После рождения дочери бунтарская и волевая натура Элизабет Клоуфорд сменилась на мягкую и спокойную, тогда же когда она и стала Дэвнпорт.

Англия, Лондон. Особняк.

У Элизабет было тревожное утро. Именно ночью сегодняшнего дня она должна была сделать этот страшный, неизвестный на последствия шаг. Кто знает, какую реакцию это повлечёт от Дэвнпортов, если те узнают?

Но ночь в итоге настаёт. И она открывает окно. Это действие отдаётся в ней чувством дежавю, ночь, тот же дом, та же комната – всё совсем так же, как и тогда, когда она сбегала с Дариусом. Женщина спускается по тому же дереву. Оказавшись на земле, спешит тихо покинуть территорию поместья и направляется в город. Нужно добраться до совсем не благополучных районов города, чтобы бедный кучер согласился на небольшую беззаконницу – перемещение женщины без сопровождения мужчины за хорошую плату за неимением более благородных способов получения денег, дабы не умереть с голоду. Женщина доходит до туда наиболее безлюдными путями. В переулке стоит единственная лошадиная повозка. Элизабет направляется к рядом стоящему кучеру. Безмолвно передаёт ему пачку, а он, взглянув на неё,

сразу понял, что она хочет нелегально выехать. Дэвнпорт залезает в повозку и спустя пару минут та трогается. В Элизабет поселяется маленькая надежда на успешное исполнение задуманного.

Ехали они уже некоторое время, и Элизабет даже казалось, что они уже весьма далеко отъехали от Лондона. Внезапно повозка останавливается, что и выводит женщину из полудрёма. Она обеспокоенно машет головой в стороны, прислушиваясь к происходящему снаружи, слышит чьи-то глухие голоса, но слова различить не была способна. Дверцы открываются, и она видит мужчин в полицейских мундирах. Сердце ушло в пятки.

– Так-так. А возчик то так яростно убеждал нас, что нет никого внутри. А тут вон оно что, женщина! И одна. Гражданка, вы знаете, что это противозаконно?

– Я..

– Снимайте накидку, нам нужно увидеть ваше лицо.

– Нет, я не могу

– Нам ещё привлечь вас за оказание сопротивления при допросе? Снимайте сами, или снимем мы, – Элизабет тянет ткань, не имея другого выбора. Полицейские не узнают в ней жену влиятельного владельца великой чайной династии.

– Документы при себе имеются?

– Нет.

– Так, значит, – говорит первый полицейский, обращаясь ко второму, – тащи кучера сюда. И пока тот не притащил

возчика, снова обращается к Элизабет.

– Откуда ехали? – Элизабет, понимая, что мужчина нужен для подтверждения её следующих слов, отвечает честно.

– С Лондона, – и за её словами за дверью повозки снова показывается второй полицейских в компании кучера.

– Откуда путь держали? – обращается первый служащий к пойманному мужчине.

– Да с Лондона, с Лондона! – спешно признавался он, – Это эта окаянная женщина подошла ко мне, да стала угрожать, если не повезу её, я не виноват, поймите, – нагло врал возчик. Элизабет лишь цокнула, как бы и не ожидая от мужчины чего-то другого. Первый полицейский поднял одну бровь.

– Женщина и угрожать? Что-то ты путаешь старый. Скорее всего, денег тебе много дала, либо совратила

– Я взятки не беру, милостивый, клянусь, не наказывайте меня, – слезно умолял возчик, – Это всё женщина виновата!

– Да поняли мы, успокойся. Иди в своё место. В Лондон все вместе сейчас поедем, передадим вас местной полиции, а дальше сами разбирайтесь, – решил полицейский. «**Нет, нет, нет**», пронеслось одно слово в голове Элизабет. Она понимала, в Лондоне её передадут полиции, а те узнают в ней жену Джереми Дэвнпорта. Наказание, конечно, никто не получит из-за связей у всей семьи, а тем более, работы столичным комиссаром Даниила. Но то, что с ней сделает семья гораздо хуже какого-либо судебного приговора. Ей бы-

ло больно и горестно, ведь она уже надеялась на успех. Но всё разбилось вдребезги опять. Она начала рассуждать анализировать весь свой путь, ища огрехи, то, где она просчиталась. Вспомнила слова Даниила о том, что именно в эти дни не планируются проверки. Он обманул её? Но он не мог так подставить, он же её друг, да и зачем ему это! Из слов полицейского она подчеркнула кое-что.

– Местную? То есть, вы не из Лондона?

– Нет, мы из округа поблизости. Думали сначала, зачем выдернули нас среди ночи, а тут вон оно что, как удачно подвернулось! – выдал второй полицейский, на что первый лягнул его в грудь и прошипел на то, что тот выдаёт много информации. Второй больно ойкал. «Значит, внеплановая?». Но она не находила ни один удовлетворительный ответ, почему это случилось именно сейчас, её голову терзали мысли о несправедливости, о том, почему, почему именно сегодня они проверяли дорогу. Возможно, плохое просто случается, и ему нет ни объяснения, ни причины, но принять это человеку, особенно только что потерпевшему горе, крайне тяжело, ведь его мозг всегда будет искать причину для собственного успокоения.

– У тебя муж есть хотя бы? – спросил первый полицейский.

– Есть, – безучастно ответила ему женщина.

– Плохо смотрел за тобой, значит, раз ты сбежала. Вот я бы своей жене никогда не дал такого сделать, – самонадеянно

заявлял он и неважно, что Элизабет бы ответила ему сейчас. Замужняя – значит, недоглядел муж, незамужняя – сбежала потому, что разгульная девка, а вот мужик бы тебя сразу приструнил, воспитал.

– Так у нас же недавно закон вышел, разрешающий бабам средствами и имуществом распоряжаться! Я что думаю, вот они и сбежать стали, что могут теперь жить на что-то сами, а вот если бы не издали, то сбежали бы – значит умерли в нищете. А щас, прознают все девки, да повсеместно сбежать начнут, всё им не так вечно, – вступил в диалог второй полицейский, – Ты ещё гляди, каждый день, таких как она, ловить придётся, – Элизабет смиренно молчала – спор лишён смысла и думает она сейчас совсем о другом. Они уже почти подъезжали к городу обратно. Женщина совсем поникла. Повозка останавливается на конечной остановке. Полицейские берут Элизабет под руку, выводя наружу.

Англия, Гроувер. Психиатрическая клиника.

После процедуры Саманта лежала на палатной кровати. Скорее даже не лежала, её тело обессиленно распласталось по койке. Вокруг царила тишина, возможно сейчас сон час, а возможно в карантинной так всегда. Взгляд девушки упал на пол, и если ещё секунду назад Саманта покоилась, не реагируя ни на что, в следующий миг её глаза испуганно расширяются. Из под кровати резко появляется никто иной, как... Лола!

– Аааа! – закричала девушка, вмиг приподнимаясь с жестковатой поверхности. Долорес же приставляет один палец к своему рту, шикая.

– Тише ты, не кричи! Это всего лишь я, – успокаивает встревоженную Саманту она, выбираясь из своего укрытия. Первая гневается.

– Ты что тут забыла?! – злится девушка. Лола присаживается на койку, опираясь руками на ляжки Саманты и близко склоняясь к ней

– Скажи, «это» уже было у тебя? – как-то одновременно заинтересованно и обеспокоенно спрашивает Долорес.

– Что «это»? – шёпотом спрашивает недовольная Саманта.

– Ванна.

– Ну... Было и что? – не понимает девушка.

– Значит, тебе истерию поставили? – раздосадовано вопрошает девочка. Саманта недоуменно оглядывается.

– Врач что-то про это говорил. Тебе чего вообще надо от меня, убери свои руки уже! – ругается Клоуфорд, сбрасывая с себя руки Лолы.

– У наших многих девочек такой диагноз здесь. Я слышала, что на тебя ещё кричали. Что плачешь.

– Слезинку пустила, какая разница?

– Плохо. Здесь нельзя плакать. Теперь ты под серьёзной угрозой электрошока, – объяснила Долорес. Саманта повела бровью.

– Электрошока? То есть, по мне заряд тока...

– Да. Пожалуйста, не плачь, не кричи, не перечь. Только так всё будет хорошо, – и Саманта не успела ответить Лоле, как в коридоре прошла медсестра. Та заметила в палате две фигуры и зашла внутрь.

– Долорес! А ну вон отсюда, это вообще карантинный блок! – закричала она.

– Ухожу-ухожу. Пока! – попрощалась Долорес с Самантой, спешно убегая. Затем в коридоре слышится громкий, устрашающий кашель. Клоуфорд лишь пребывает в непонимании, обрабатывая всё произошедшее и поступившую информацию. «Она помогла мне, значит? Это так странно. Я же так нагрубил ей за завтраком. И Лола сказала, что меня ждёт электрошок... Я не хочу, не могу!», – запаниковала Саманта. «Но так это нормально. Что ты не хочешь этого. Каждое адекватное живое существо противится собственной боли. А знаешь, что они делают, когда им пытаются её причинить?», – девушка внимала и слушала этот голос. Разумом понимала – нельзя, но страх притупил аналитическое и критическое мышления. «**Защищаются**. Ты знаешь как. Я помогу тебе, предотвращу это прямо сейчас, только дай мне», – говорила тень. Девушка оглянулась на свои плечи и будто видела чёрные окутывающие их руки. Она хотела закричать, но... «Не плачь, не кричи, не перечь. Только так всё будет хорошо...», – ровный голос Лолы застал её мысли и, кажется, сдержал не только от крика, но и от влияния тени. Вслед за

одним человеком, она вспомнила другого, священника. Девушка отвлеклась и начала приходить в норму. В конце концов, она опомнилась и вспомнила, к чему привело вмешательство тени. Брат... Сущность ещё пыталась что-то твердить, но Саманта отогнала все эти лепты прочь. Девушка решила, что сейчас не будет думать о электрошоке. «Так Лола сказала всё это, несмотря на мою грубость. Если бы кто-то мне так нагрубил, я бы никогда в жизни ничего полезного ему не сообщила. Она точно чудачка, как можно так легко прощать людей?», – подумала Саманта, тем не менее. Её душе стало теплее от чьей-то помощи, возможно Долорес даже позаботилась о девушке? Это было лишь в чувствах Клоуфорд, в своих мыслях она это озвучить не готова. «У многих других истерия, как у меня. А Долорес, будто постоянно лезет в чужие палаты и так сильно кашляла в коридоре.. Господи, как же всё сложно!», – устало возгласила в своих мыслях она, плюхаясь на койку вновь. «Может, она сможет помочь при побеге...».

Англия, Лондон. Замок Дэвнпортов и Клоуфордов.

Внутри дома раздавался злостный крик Джереми, рвущего и мечущего.

– Как вы могли проглядеть её?! Она теперь постоянно сбегать иметь смелость будет?! – яростно бросался словами он. Альберт сурово нахмурился, а Лилуокалани разочарованно уставилась глазами в пол. Даниил стоял рядом, опиравшись

на стену и скрестив руки на груди, наблюдал за общей картиной.

– Значит так, сейчас запрягаем лошадей и отправляемся на них перехватывать её, – приказал Джереми, на что Даниил хмыкнул. Альберт недобро покосился.

– Но это опасно, – возразил отец Элизабет.

– А что делать ещё? Докладывать о сие инциденте – портить свою же репутацию, мы не можем этого допустить, – на что Альберту пришлось лишь смиренно согласиться. Внезапно во входную дверь постучали. Все присутствующие в доме оглянулись в сторону звука. Джереми подошёл к двери, открывая. За ней стояло пару полицейских в компании его жены.

– Мистер Дэвнпорт? Ваша жена сегодня сбежала, её перехватили двое полицейских из близ лежащего города во время внеплановой проверки перевозящих путей. Её вернули в Лондон, привели к нам. Мы её узнали и поспешили к вам, – доложили полицейские. Джереми приложил руку к сердцу, громко выдохнув.

– О, слава Господу, вы нашли её! Спасибо вам, блюстителям закона, она весь дом на уши подняла! Вся семья переживала, голову ломала, что делать, только уже хотели бить тревогу, как вы тут появились с добрыми известиями, – нарочито обеспокоенно произносил он. Затем потянул жену за руку, заставляя зайти в дом. Даниил, подходя к порогу, сочувствующе глянул на Элизабет.

– Дела с бумажной волокитой уладим завтра, сейчас лишь задекларируйте время всего произошедшего. И, надеюсь, понимаете, никакой огласки, никому ни слова? Узнаю, всем языки самолично отрежу, поняли?! – пригрозил комиссар.

– Да, начальник! Уже уходим! – звонко проголосили подчинённые, удаляясь. Джереми хлопнул дверью. Как только та закрылась, он бросился на жену с обвинениями, хватая за плечи.

– Как ты могла, как посмела?! Разве я не наказал тебе слушаться меня, ты не поняла своё место? Твой прошлый опыт ничему не научил, ты всё такая же непослушная инфантильная шестнадцатилетняя девчонка, – кричал Дэвнпорт, до боли сжимая плечи Элизабет, на что она жмурилась от боли. Но это была не такая сильная боль, какая была от краха побега. Даниил недовольно глянул на разъярённого мужчину и приложил руку к груди Джереми, как бы говоря быть спокойнее. Миссис Беатрис стояла где-то позади, мысленно осуждая Элизабет. Её муж точно так же, как и их сын, видел в беглянке неотёсанную оборванку. Переводя взгляд на Альберта, Элизабет лишь видела в глазах отца немой укор и стыд за дочь. Мать женщины же направилась к ней.

– Отойдите. Я должна с ней поговорить, – Даниил отступил сразу вслед за её словами, Джереми потребовалось пару мгновений внутреннего негодования, прежде чем он тоже расступился. Лилиуокалани встала близко к дочери, смотря глаза в глаза. Разочарование, упрёки и злость – вот, что чи-

талось во взгляде матери. Элизабет сжалась под всем оказанным давлением на неё со стороны домочадцев. Но она не считала себя виноватой, а наоборот винила и держала за диких зверей, накинувшихся на неё почти всех присутствующих.

– Я надеялась, что ты исправилась и стала порядочной женщиной, почитающей своего мужа, уважающая нашу семью, род и традиции. Наше дело. Но нет. Мало того, что твоя дочь совершила такое кощунство и убила наследника Джереми, так ещё и ты, по-прежнему цепляешься за своё прошлое, за того мальчишку и ваше чадо! Ты должна горевать над твоим почившим сыном от руки этой маленькой ошибки, но ты наоборот горюешь, что эта капризная девчонка получила то, чего заслуживала. Ты ужасна! – громко голосила мать. Чаша негодования Элизабет была переполнена. С нескрываемой злобой во взгляде она посмотрела на мать.

– Тебе ли говорить о материнстве?! Ты всегда была холодна и жестока ко мне, ты день и ночь заставляла меня учиться, заставляла меня превозносить мужчин, ты воспринимала меня только как товар для выдачи замуж! Только из-за воспитания женщин в нашей семье я просто поклялась никогда не стать такой матерью, как ты. Ты заставила меня смотреть на смерть моего любимого. Ты сама не умеешь любить, все здесь лояльны к убийствам, и ты что-то говоришь мне о порядочности?! – высказывалась Элизабет, а лица всех, кроме Даниила были переполнены гневом от её обвинений, – Вы

все приняли решение убить Дариуса. Вы убили мать Даниила, я не знаю, сколько судеб вы разрушили ещё! Женщин вы принимаете за инкубаторы для рождения мальчиков, даже сами женщины таковыми себя считают, а мужчин воспитываете как преемников дела, без любви, без тёплых чувств, но внушаете им, что они боги, которых все должны обхаживать. Вы не имеете право меня суди, – в следующий момент её щеку настиг удар. Это мать Элизабет ударила её.

Англия, Гроувер. Психиатрическая клиника, за завтраком.

Утром следующего дня Саманте уже было разрешено из карантинной переселиться в блок с обычными пациентками. Так что на этот завтрак она пошла со всеми другими девушками и женщинами, периодически ловя на себе заинтересованные взгляды. Между выбором столов её глаза разбегались, и она не могла найти себе пристанище, пока рукой ей не помахала Лола. Девочка сидела одна, и Саманта направилась к ней. На самом деле, от Долорес она ждала какой-нибудь полезной информации.

– Доброе утро! – радостно улыбнувшись, сказала Долорес. Кажется, улыбка на её лице была почти всегда и даже в расслабленном состоянии её уголки губ невольно смотрели вверх. Саманта присела за стол.

– Да, доброе.

– Я не ожидала, что ты со мной сядешь! Ты ведь такой

колючкой была, – вспомнила она.

– А я не ожидала, что ты после этого будешь пытаться со мной общаться.

– Ну, Лола дружит со всеми.

– Этот ответ ни на что не отвечает, – саркастично проговорила Саманта. Лола посмеялась, почесав за головой.

– Скажи, тебе нужно что-то разузнать у меня? – неловко спросила она. Саманта удивилась.

– Как ты... – спросила девушка. Лола встревоженно отпрянула.

– Ой, то есть, то есть! Ну, я имела ввиду о больнице лишь. Если хочешь поболтать, я сегодня забегу к тебе! – быстро протараторила девочка, – А пока могу рассказать о том как кого зовут и подобное... – перевела тему она. «Она всё таки такая чудачка», – подумала Саманта.

Через время девушку вновь повели в церковь, туда, где Дунстан. Саманта отметила для себя, что будто бы ждала этой встречи. Это было странно для неё. Она не зависит от людей. По крайней мере, сама так думает. Хотя однажды один человек спросил её: «Вы всегда так быстро привязываетесь к людям?». С тех пор она отвергает хоть какие-либо привязанности. Тем не менее, всё равно, когда её приводят в церковь, и она видит Дунстана в конце у алтаря, девушка ощущает какое-то внутренне спокойствие и безопасность. Её отвязывают, и Саманта ступает вперёд, к нему. Дунстан оборачивается в её сторону.

– О дитя, ты здесь. Я рад тебя видеть, – радушно приветствует он.

– Да, привели меня, – кратко ответила она. Дунстан серьёзно смотрел на неё, что-то отмечая про себя.

– Я молился за тебя, – Саманта удивилась его словам.

– Молились за меня? – удивлённо спросила она. Дунстан кивнул.

– Как проходят твои дни в больнице? – на что Саманта нахмурилась, думая, рассказывать ли. Тишина воцарилась на пару секунд, пока она подбирала слова.

– Мне грозит электрошоковая терапия, а помимо этого меня уже окунали в очень горячую ванну и на голову лили ледяную воду, – созналась она, поджимая губы, – Скажите, может ли человек заслужить такое?

– Через страдание человек осознаёт свои грехи и способен раскаяться. Раскаяние спасёт его душу. Но такая медицина может и навсегда изменить человека. До конца своих дней часть его мозга не будет должно функционировать, обрекая человека на потерю дееспособности. Никто не заслужил этого.

– Что мне делать?

– Не грехи, это всё. А смиренно принимать это или сопротивляться – уже твоя воля, – преспокойно произнёс Дунстан. Девушка тяжело вздохнула, такого спокойствия, как у него, ей сейчас очень не хватает. И своей безмерной безмятежностью он будто успокоил и какую-то часть Саманты.

– Но во всей этой ситуации, – Ну, однако, надо заметить, есть одна девочка там, Лола. Она помогает мне немного. Как я считаю.

– О, Долорес. Прекрасная девушка, жаль, что здесь она мало появляется, – грустно произнёс священник. Саманта заинтересовалась.

– Отчего так?

– Не могу сказать, это её личное. Спроси её сама, если интересуешься, – Саманте хотелось разозлиться на то, что он не ответил ей, но, с другой стороны, тайны девушки он тоже не выдаст, если бы она их ему доверила...?

– Ты упомянула, что тебе было плохо? Ты можешь помолиться или выговориться, если желаешь, – сказал священник. А сердце Саманты засомневалось. Ей одновременно хотелось рассказать, как ей обидны все укоры медсестёр, как унижительно с ней обращался надзиратель. Хотелось рассказать об этой непонятной сущности, но самое первое, о чём кричала её душа, была смерть брата. Девушка в самом деле чувствовала самую тяжёлую вину, но сама пугалась мысли о своей виновности. Пугалась глубоко печальных чувств, всегда хоронила их в своей душе где-то на метров пять, а то и больше. Жизнь ведь сказка – она состоит из одной роскоши и улыбок, здесь не место тоске, вине, сомнениям, страху и ненависти, терзаниям, одним словом – страданиям не место в жизни Саманты Клоуфорд. Но она не могла рассказать это, пока сама честно себе не признается, что испытывает всё это.

Наверное, ей лучше помолиться, так и оставляя всё в себе. Однако, за что вообще молятся?

– А за что молитесь вы? – спросила девушка Дунстана. Священник покачал головой.

– Молюсь за упокоение души моей почившей жены. Молюсь за ваши души, за гроуверцов, – ровным голосом ответил ей он. Саманта забеспокоилась.

– Ваша жена умерла?

– Верно, вот уже как пару лет её нет со мной. Надеюсь, она нашла своё место на небесах, – меланхолично произнёс он.

– Вам тяжело без неё?

– А как же. Я любил её, – «Как и брат, он тоже погиб», – подумала девушка. Она почувствовала, будто понимает чувства Дунстана.

– И вы... грустите?

– Не то слово. Я понимаю, это лишь моя забота. Там ей лучше, но моя печаль как бы то ни было, вполне оправдана. Я живой и это мне здесь не хватает её.

– Вы сказали, что молитесь за души гроуверцов?

– Конечно. Я ведь понимаю, наши люди несчастны. Ты, наверняка, видела обветшалые постройки Гроувера, не от хорошей жизни ведь. Здесь они трудятся не покладая рук, чтоб сводить концы с концами. Кому молодым везёт – бегут отсюда. А кто остаётся, лишь доживает свой век, не живёт. Я молюсь, чтобы оставшимся здесь было лучше на другой стороне, а тем, кто уехал – чтобы всё у них получилось, –

Саманта лишь с тоской слушала его рассказы и слов не могла найти, что ответить. Её окрикивает медсестра и девушка оборачивается. Она уже стояла в проходе, зовущая пациентку к себе. Девушка оглядела священника на прощание. Тот был в некоей печали.

– Может, мне не стоило об этом? – она чувствовала какое-то чувство, похожее на вину за затрагивание сей темы. Если бы кто-то так прямо стал расспрашивать о её брате, девушка, вероятно, разгневалась.

– О нет, что ты. Даже не думай о таких мелких глупостях, – тогда Саманта кивнула его словам, удаляясь. «Всё же, должно быть... Жизнь может быть не только весёлой?», – эта мысль показалась ей странной и чуждой. Саманте долго предстоит принимать её.

Англия, Гроувер. Психиатрическая клиника.

Девушка вернулась в больницу. Она шла по коридору, возвращаясь в палату, но неожиданно чьи-то руки схватили её и затащили куда-то. Саманта испуганно озарилась и увидела перед собой Лолу.

– Привет!

– Ты что делаешь, я же напугалась! – разозлилась девушка.

– Да ладно тебе, весело же! – улыбнулась Лола, – Пойдём лучше, присаживайся сюда, – Саманта недоверительно посмотрела на девочку, но сделала, как та просила.

– Я уверена, что со дня на день с тобой это сделают. Лучше готовься, – неожиданно начала Лола.

– Ты так сходу об этом. Что ж, ладно... Переживал ли тут кто-то такое ещё?

– Да. На каждого это воздействует по-разному. Кто-то вернулся в относительную норму спустя несколько дней, кому-то понадобились месяцы или даже года. А кто-то никогда уже не был прежним, – ответ неприятно уколол в сердце. Никакой определённости – то, что с ней может произойти это лишь одна сплошная неизвестность.

– Скажи... Можно ли отсюда сбежать, кто-то сбегал?

– Хм, ну, на моей памяти успешно почти никто не сбегал. В основном пытались сбежать спонтанно попавшие сюда люди, на нервах и шокированные здешними правилами. Как раз из-за этого у них и не получалось, они попадались, а дальше им было ещё хуже, – эта информация вновь была неутешительной.

– Спонтанно попавшие? – на вопрос Саманты девочка улыбнулась.

– Да. Обычные нормальные люди, от которых захотели избавиться или посчитали ненормальными лишь из-за нервного срыва. А ты как думала, здесь только сумасшедшие, не так ли?

– Ну... Да? Ни разу не слышала о том, о чём ты говоришь, – возразила девушка. Долорес рассмеялась, и Саманта одарила её недовольным взглядом.

– Ха-ха, прости! Просто ты такая наивная. Ты мне напоминаешь взращиваемую в тёплой жердочке аристократку, не выдавшую жизни. Мне так и хочется открыть тебе на всё глаза, – сказала Лола без задней мысли.

– Тебе лет пятнадцать от силы и ты всегда ведёшь себя как улыбчивая дуручка, о чём ты мне поведать хочешь!

– Да-да, прости. Ты права. Но, надеюсь, ты теперь понимаешь, что тут не все ненормальные? Может ты и видела девушек, женщин, неадекватно себя ведущих. Но тут большинство скорее тех, кто сошёл с ума в больнице, чем до попадания в неё. И конечно, рассказывать общественности такое никому не выгодно. Представляешь, как удобно сослать ненужного человека, как мужу легко шантажировать жену, или вовсе сослать, если та надоела, – серьёзно проговорила Долорес и кажется даже лицо её посуровело. Саманта задумалась над словами Лолы.

– Ты, я вижу, много судеб здесь повидала.

– Аха-ха. Пытаешься вывести на беседу? Хорошо, я тебе скажу. Я всю жизнь провела в этой больнице и остаток моих дней проведу тоже в ней. И ты права, через меня прошли многие люди. Я постоянно наблюдала, как они приходят и уходят, – Долорес рассказывала это с улыбкой. Саманта покосилась на неё, ведь рассказ совсем не располагал к такому.

– Но, как так...? Почему? – Лола безразлично пожала плечами на вопрос.

– Мои родители ещё младенцем меня на порог больницы

подкинули. С тех пор я тут.

– Они буквально бросили тебя здесь? – удивилась девушка.

– Получается, так. У меня есть серьёзные физические недуги, скорее всего из-за этого они отказались от меня. Я из-за этого даже на улицу выходить почти не могу, скорее всего сразу подцеплю болезнь.

– Так вот почему ты в коридоре кашляла так... И священник говорил, что ты редко к нему заходишь.

– Зато все работники ко мне нормально относятся. Они не принимают меня за сумасшедшую, как вас и прощают проступки, как например, когда нас с тобой застали. И болтают со мной. Ну, а я в свою очередь, благодаря этому могу с вами так разговаривать, помогать. О, они даже разрешают мне зеркалом пользоваться металлическим и рисовать, заплетать волосы! А остальным пациенткам запрещено такое.

– Так у тебя поэтому одежда разрисована?

– Ну, так я делаю эту унылую больницу более красочной! Если хочешь, пока никто не видит, я могу дать тебе зеркальце. И рисовать, и что хочешь.

– Нет, спасибо. Воздержусь, – отказалась Саманта. Упоминание зеркала вызвало в ней шквал неприятных ощущений. Лола обиженно надула губы.

– Ну почему! Ты же девочка, тебе хочется смотреть за своим внешним видом, я могла бы заплести тебе что-нибудь, а ты бы полюбовалась. А потом мы бы порисовали вместе!

Давай, я сейчас всё достану, – настаивала Долорес и, встав, начала копошиться в полке тумбы. Саманта нахмурилась.

– Нет. Я сказала нет, – но Лола не слушала, окрылённая какими-то грёзами о совместном времяпровождении. Наконец, на кровать она кинула карандаши и бумагу, а в её руках было зеркало и резинки.

– Ну вот, – сказала она, возвращаясь к девушке. Недоброе чувство разрасталось внутри Клоуфорд. Внезапно Лола выставила руку с зеркалом перед Самантой и девушка увидела своё отражение. Вмиг её лицо отразило испуг.

– Нет! – прокричала девушка, закрываясь руками и отворачиваясь. Долорес ошарашенно округлила глаза, убирая зеркало.

– Что, что такое? – забеспокоилась она, склоняясь к девушке. Саманта взялась руками за голову, до боли сжимая корни волос и уже не слушала Лолу. Она ушла в себя, в прошлое и только об этом могла думать. Душу засадило: Это была та боль, что и девять лет назад. Лондон 1873 года, когда она услышала слова своей бабушки. Тогда, когда Джордж нашёл её в библиотеке, девочка убежала от него с обвинениями во всём мирском зле. А убежала она в свою комнату. Быстро пробежалась глазами, зацепившись за высокое зеркало. Ноги сами повели её к нему и, остановившись у зеркала, она начала рассматривать своё отражение, хотя никогда раньше не заботилась о таких мелочах, как её внешность. Мама всегда говорила, что Саманта красивая девочка и второй этого хва-

тало. Но теперь она осмотрела всё, о чём сказала бабушка – придиричиво оглянула свой нос. Да, должно быть тот и правда, был совсем не такой, как у всех женщин рода Клоуфорд. Их носы были идеально выточенным, без лишней горбинки, без курносости. Красивый прямой нос. А что её свинячий вздёрнутый пяточок? Осмотрела глаза. Вспомнила глаза Лилуокалани, Элизабет, те были тоже большими, но с благородной миндалевидной формой. Её глаза были большие, но круглые, что, как сейчас показалось Саманте, создавало ей вид простой бедной девчонки, без доли элегантности, как подобает аристократке. Губы во многом похожи на глаза – круглые, большие вширь, узкие в длину. Такие губы совсем не коррелируют с утончённо вытянутыми губами Клоуфорд. Даже волосы Саманты не были столь вьющимися и кудрявыми, сколь их. Она совсем другая, Лилуокалани права. Саманта свела брови в обиде и злости на саму себя, за то, что она такая. Такая сильная боль. Такая сильная ненависть. Ведь корнем зла унижений и нелюбви семьи к ней – это её лицо, как посчитала Саманта. Слёзы вновь покатались по её щекам. Она прикусила свою нижнюю губу до выступившей раны и кровоподтёков просто, чтобы не залиться всхлипами. Чем дольше она смотрела в зеркало, тем сильнее росло её отвращение к самой себе. Кулак девочки задрожал, и она с криком замахнулась рукой, впечатывая костяшки руки в зеркало. Зеркало с треском разлетелось на осколки и некоторые даже поцарапали Саманту, а рука сразу заболела. На костяш-

ках она ощутила горячие капли. В отражении теперь можно было увидеть лишь отдельные части её лица, разбросанные по оставшимся на зеркале осколкам, но не соединявшиеся в один единый облик. В дверь комнаты раздалось несколько быстрых стуков. Девочка даже не обернулась. Дверь открылась, и внутрь вошёл Джордж, сразу закрывая за собой. Он ужаснулся вставшей перед ним картине, подбегая к сестре.

– Что же ты сделала, сестрица? – начал он, нежно обхватывая её руки в свои. Он увидел раны сестры и бережливо с сочувствием огладил их. Саманта молчала и оставалась неподвижной.

– Это потому, что ты не похожа на семью, да? – тихо спросил он. Затем мальчик обнял сестру и, отстранившись, повёл её от острых осколков к кровати, усаживая на край. Затем он вернулся к тому месту и, присев, начал собирать осколки. Выбросил в окно и вернулся к сестре, – Ну вот и всё. Родители ругаться будут, что ты разбила. А знаешь что? Давай зеркалами поменяемся, я тебе своё, а ты мне моё. И будет так, будто бы я разбил, – улыбнулся ей он. Саманта наконец взглянула на него.

– Не надо, – отказала девочка, – Просто уходи, – и брат грустно посмотрел на неё, вставая с кровати, и медленно идя к выходу из комнаты.

– Тогда, просто не пускай в свою комнату до ночи никого, ладно? – неловко произнёс он, – И я просто хочу, чтобы ты знала. Как бы ты ни выглядела, для меня ты Саманта Кло-

уфорд, моя сестра. И ничего в тебе не изменилось, – напоследок сказал он, покидая её покои. Когда он ушёл, она уткнулась глазами в свои ладони. По рукам вниз стекали прозрачные капли.

Ночью, пока сестра спала, он всё же пробрался в её комнату со своим зеркалом и поставил его, предварительно завесив тканью. Сломанное зеркало сестры Джордж перетащил в свою комнату. Конечно, когда родители увидели это, то немного поругали мальчика, но то было не критично.

С того раза брат ещё много раз подходил к сестре. Как и всегда, он встречался с ней в библиотеке, стучался в её комнату, разговаривал с ней за завтраком, но Саманта всегда игнорировала его или отвечала односложно. Это был финальный акт их раздора.

Повзрослевшая шестнадцатилетняя Саманта спускалась по лестнице. Когда её нога ступила на первый этаж, мимо прошёл Джордж, но остановился, увидев сестру.

– О, доброго утра, сестрица. Как я рад увидеть тебя, – с отчаянной улыбкой сказал он. Саманта безразлично оглядела его и, ничего не ответив, обошла парня.

Воспоминания причиняют боль. Долорес пытается привести Саманту в чувства, тряхи за плечи, говорить успокаивающие слова, но всё тщетно. Позади фигуры девочки Саманта видит стоящую тень, которая до этого лишь молча наблюдала за всем происходящим. «Она сделала тебе больно. Заставила вернуться в это, не так ли? А ты подумала, буд-

то она хочет помочь тебе... Будто даже, что она неплохая. Но она как и все. Вновь сделала тебе больно, только близко подобравшись. Как мать, как брат, как он. С Дунстаном будет также, это лишь вопрос времени. Но я помогу тебе наказать весь этот мир за твои страдания, только отдай мне себя», – и Саманта, раздосадованная, обессиленная, расслабилась. Тень пожалела раненую душу, воспользовавшись её уязвимостью. Глаза Саманты, кажется, остекленели. Девушка прикрыла их и больше не пыталась себя контролировать, ощутив странный прилив сил. Тот же, что и тогда в его комнате. Это заставило её ужаснуться, и она поняла, что совершила ошибку, но её тело уже двигалось по инерции. Девушка видит, как руки сами по себе толкают Лолу, она вырывает зеркало и бьёт его о пол. Раздаётся громкий звонкий треск, бьющий по ушам. Лежащая на полу девочка отдаёт очередным болезненным воспоминаниям в голове. Реальность искажается, вокруг Саманта на несколько секунд видит комнату и тело брата, безжизненно валяющееся на полу. Нутро Саманты сейчас будто боролась с тенью, не давая ей действовать в полной силе. Она ещё держалась, чтобы сейчас не навредить Лоле. Кажется, чем больше она в больнице, тем тяжелее ей сдерживать эту темноту в себе. На звуки в палату ворвались работники. Упавшую Долорес оттащили, а Саманта почувствовала больно́й удар и иглу шприца. «Это слабое тело...!», – провопила сущность. И обе, и Саманта, и тень, повалились с ног.

Девушка лежала на койке. В палате никого не было, и вокруг была темнота. Глаза девушки были пусты, а лицо отражало немое разочарование. Во всей её жизни. Саманта вспоминала испуганного брата и его окровавленную плоть. Сопоставляла с такой же напуганной Долорес. Её боятся. Из-за неё умер один человек и чуть не погиб другой. Это наводило на мысли – может, монстры не все вокруг, а она? Несправедливо обвинявшая других пациенток, грубившая Долорес, а та всё равно бегала за Самантой, единственная из всех в больнице. И помогала. Хотела ли она зеркалом сделать больно девушке, да вряд ли. Она просто не послушала.

– Нет... Я не могла так ошибиться, – шёпотом прохрипела девушка. Она не хочет признавать себя виноватой, не хочет чувствовать эту скрипящую тоску и сожаление! Ведь навсегда отказалась от этих эмоций ещё тогда, в 1873. Но сейчас они все хлынули разом, окутывая её с головой, заставляя сердце разрываться. В том и дело, она отказалась от них. Но это не значит, что они ушли. Вся твоя жизнь – ложь, Саманта. Ты лишь обманывала себя, что живёшь счастливо и припеваючи. Чтобы просто ты больше не ощущала предательства, как тогда в коридоре. Как всю твою жизнь, когда **они** не принимали тебя, когда ненавидели, пытались избавиться. Саманта, ты правда думаешь, что отношение к тебе в больнице это то отношение, которого с тобой прежде не происходило? Нет же, это было каждый день в твоём прекрасном замке, только оно было скрыто неким флёрком. Ты отгороди-

лась даже от брата и матери – единственных людей, искренне любящих тебя. Всё же ты полна противоречий, ведь при этом ты как собака, так цепляешься за любого, кто проявил к тебе милость только потому, что семья эту милость не проявляла. Но и свою привязанность опять отрицаешь – вновь возвращаясь к тому, что не желаешь быть преданной. Это порочный круг. Тем не менее, восполнять свой недостаток внимания и любви тебе чем-то надо, поэтому ты ударилась в балы и пиршества, на которых аристократы притворно беседуют с тобой, лестничают и сплетничают. Даже таким вниманием ты упиваешься. Ты ведёшь себя в кругу семьи откровенно и эпатажно, всегда перетягивая одеяло на себя, и все обращают на тебя свои взоры! Неважно, что они недобрые, главное, что они смотрят на тебя. Не так ли?

– Это неправда! – яростно отрицала Саманта. Она перевернулась набок, и мокрые капли скатились по носу, моча подушку. Она говорила так, но уже признала, что это всё горестная правда.

Как она в итоге уснула, Саманта не поняла сама. Тем не менее, следующий день наступил, но жить его не хотелось. Точнее, она не знала, как ей жить дальше, ведь кажется, будто небо рухнуло, настолько вся её система, все её ценности, в целом – жизнь, посыпалась. Когда она вышла в коридор, все оглядывались на неё, но девушка не обращала внимания, лишь делая нужное.

На завтраке Долорес не было. Позже время подошло к вы-

ходу на улицу. Когда девушка вышла на свежий воздух, спустя время она набралась смелости спросить.

– Как там Долорес? – немного виновато спросила девушка. Медсестра со злостью покосилась на девушку.

– Как-как. Лежит в отдельной палате, отдыхает. Она сильно испугалась и слегла, Лола ведь хрупкая девочка – расстроено ответила медсестра, – А всё из-за тебя! – и Саманта лишь опустила глаза. Бремя вины ещё больше возлегло на её душу. Вскоре они дошли до церкви, уже заходя внутрь. Дунстан был неподалёку и медсестра захлопотала.

– Батюшка, батюшка! – подзывала она. Когда тот обернулся и ступил к паре, она побежала ему навстречу, – Вы не можете отказать сейчас! Она такое натворила в больнице, это просто ужас! Когда волосы обрезали, вела себя как одержимая, истерила, когда ваннные процедуры делали, ревела, вот вчера ударила бедную Лолу и опять будто одержимая бесами была! Пожалуйста, помогите, – судорожно просила медсестра. Саманта отвела взгляд и поджала губы. Батюшка лишь внимательно слушал.

– Я вас понял. Не беспокойтесь. Саманта, пойдём со мной, – подозвал её он. Медсестра положила руку на сердце, глядя, как они удаляются. «Неужели он обозлён на меня? Будет какие-то странные обряды делать?», – переживала она. Они поднялись вверх по лестнице и зашли в какую-то комнату. Это оказалась маленькая библиотека. Совсем маленькая. В ней компактно по всей комнате располагались полки

с книгами, а поодаль от двери стол и стул.

– Я не буду делать никаких обрядов, – Саманта обернулась на его голос.

– Зачем тогда мы здесь?

– Чтобы медсестра не переживала, – ответил он, проходя к столу, – На самом деле, ты можешь почитать или выговориться.

– Вы не осуждаете того, что я сделала?

– Я не умею осуждать, – девушка неуверенно замялась на его ответ.

– Я просто толкнула её из-за зеркала, мне жаль! – выпалила она, затем сама схватилась за свой рот, – То есть не жаль, просто...

– Сожалеть – это нормально. Это одно из составляющих раскаяния и просто хорошее человеческое качество. Почему же ты этого боишься?

– Я ничего не боюсь. Лишь не хочу этого всего и ничего не понимаю. Жизнь весела и легка, но я уже не уверена в этом. По тому, что происходит. Родители Лолы тоже бросили её. Как меня. Ваша жена умерла, Гроувер медленно и мучительно умирает. Здесь несправедливо осужденные пациентки, меня и их пытаются. Но я больше не уверена в своей невиновности. Я поняла, что всегда врала самой себе. Но не была готова признать. Когда я толкнула Лолу, кажется, ощутила, что монстры не все вокруг, а я, – выговорила она. Её голос дрогнул, и Саманта опустила голову вниз, утыкаясь лицом в

руки, – Я не хочу верить, что это всё правда! Я не знаю, как жить дальше, моя жизнь разрушена. Я поняла, что всё было неправильно.

– Чтобы построить новый дом на месте старого, второй нужно разрушить. Переосмыслив всю твою жизнь и саму себя, теперь ты можешь жить по-другому? Лишь осознав, что ты врала себе, ты можешь перестать. Лишь осознав свою виновность, ты можешь искупить её.

– Я знаю, вы правы, – её плечи задрожали, – Но я не смогу. Я потеряна навсегда.

– Что заставляет тебя так думать?

– Прошу, только не ненавидьте меня. Но я убила человека, своего брата. И хотела убить Лолу. Какая-то сущность постоянно говорит мне идти убивать и мне с каждым разом всё сложнее с ней совладать! Я боюсь, боюсь, что от моих рук погибнет кто-то ещё. Я просто монстр. Я обречена и не могу приближаться к людям, – плача, рассказывала Саманта. Священник обомлел.

– Я честно скажу, я не знаю, что это такое. И ни разу такого не видел, – в смятении проговорил священник, – Мы можем попробовать начать искать об этом в книгах. Я уверен, что есть способ помочь тебе, – и его предложение о помощи пустило луч солнца в её заледеневшую от ужаса душу.

Тёплое освещение исходило от расставленных в различных местах свеч. Девушка сползла на пол, облокотившись на книжный стеллаж маленькой библиотеки, и уткнулась в кни-

гу. Кажется, она немного успокоилась. Дунстан сидел неподалёку на стуле, перебирая какие-то рукописи.

– Лишь в детстве я много читала. Но в один момент я перестала, – сказала Саманта, мимолётно переводя взгляд с книги на Дунстана. Затем снова вернулась к тексту, переводя страницу.

– От чего же так? – спросил её Дунстан. Саманта немного нахмурилась, будто жалея, что начала эту тему.

– Мы с братом в детстве любили читать вместе. Потом после одной ситуации у меня появилась неприязнь к книгам, – размыто объяснила она. Произносить это было неприятно, – Я очень обиделась на него, а чтение книг у меня всегда ассоциировалось с ним, – вспоминала она. Перед глазами невольно пронеслись картинки одного из детских дней их совместного чтения:

Брат с сестрой увлечённо читали книгу. Та была про какую-то принцессу, что насильно пытались выдать замуж.

– Как можно без её согласия такое делать! – негодовал Джордж, – Наши родители бы никогда такого не сделали, – Саманта улыбнулась его словам.

– Джордж, ты не прав. Я вырасту, и меня выдадут замуж тоже, – грустно сказала Саманта. Брат поднял на неё голову.

– Мама с папой сделают такое?! – ошарашенно произнёс он, – Ну уж нет, я никому не позволю жениться на тебе, обещаю! Всех парней от тебя отпугивать буду. А с мамой и папой серьёзно поговорю! – уверенно решил Джордж. Саманта

рассмеялась.

– Не могут же родители меня вечно содержать! Рано или поздно, придётся.

– Если понадобится, я сам тебя содержать буду, – возразил брат. Саманта улыбнулась, сказанное братом казалось ей утопией, но всё же маломальская часть её души глубоко внутри надеялась на что-то подобное. В душе ненадолго потеплело, и Саманта даже улыбнулась. Но затем она вспомнила про нынешнюю реальность, и воспоминание с грохотом разбилось вдребезги. Какая-то ностальгия накатила на девушку. «Этого больше никогда не будет». Последний раз, когда они имели какое-то подобие совместного чтения или просто нормального разговора был незадолго до смерти Джорджа. Это было утро, семейный завтрак в особняке.

– Джордж такой молодец, – радостно восклицала миссис Беатрис, – Вы бы знали, какие успехи он делает в учёбе. Очень умный мальчик, достойный преемник Джереми, – на что Лилуокалани блаженно улыбалась, остальные, особенно Джереми, молча гордились внутри себя. Элизабет порадовалась похвале сына. Из всех глаз, лишь глаза Саманты были полны недовольства.

– Ну что вы, миссис Беатрис. Вы преувеличиваете, – неловко отрицал он и стыдливо Джордж смотрел на негодующую сестру. Парень всё понимал.

– Ни в коем случае! Вы посмотрите, он ещё и скромный, ну просто золотой мальчик, – продолжила Беатрис.

– А я согласна с Джорджем. Вы и правда, ему льстите. Если хотите, я могу рассказать о нём такое, – саркастично произнесла девушка. Даниил усмехнулся её словам, Элизабет обеспокоенно оглянулась на дочь. Остальные презрительно уставились на девушку.

– А тебя, Саманта, никто не спрашивал, – ответила ей Лилуокалани.

– А что, я не права, что ли? Я вот тоже успехи в учёбе делала, но меня что-то никто не хвалил так, как его.

– Потому что для девушки учёба не первостепенное. Главное, чтобы ты вышла замуж.

– А я не пойду замуж!

– Пойдёшь, – грозно сказал Альберт, вмешиваясь в диалог, – Прекрати так вести себя, Саманта.

– А то что? А, я знаю! Убить меня попытаетесь что ли, прямо как в детстве, – насмешливо воскликнула она, и брат прошипел себе под нос за сестру.

– Дочь... – начала Элизабет, но не успела договорить, как отец, будто бы покраснел от злости, лица присутствующих приобрели презрительно-ошеломлённый оскал.

– Как вы все мины скорчили! – рассмеялась Саманта. Она упивалась вниманием к её персоне.

– Марш в свою комнату, Саманта! – закричал Альберт, – Ты под домашним арестом, неделю о свежем воздухе можешь и не мечтать. И никаких развлечений, вход в библиотеку тебе воспрещён, рисование, вязание и прочее тоже, на

семейный завтрак ты не ходишь, – на что Саманта лишь закатила глаза, передразнивая. Она шумно отодвинула стул, вставая из-за стола и уходя прочь.

По прошествии нескольких дней. Саманта сидела в библиотеке. Запрет был ей совершенно неважен. Возможно, если бы её нашли, прогремел бы ещё один скандал, почему бы и нет? Однако читать девушке сейчас совершенно не хотелось, и она сидела лишь в ряду дальнего стеллажа, скучающе смотря на впереди стоящие полки с книгами. Библиотека как-то успокаивала и расслабляла её.

– Саманта! Вот ты где, – сбивчиво произнёс запыхавшийся Джордж. В руках у него были какие-то журналы и газеты. Саманта повернула голову в сторону голоса. Настроение девушки сразу упало, – Знаю, ты, возможно, не рада меня видеть, – неловко произнёс он, присаживаясь немного поодаль от сестры.

– Зачем ты пришёл? – сходу начала она, – Если хочешь настучать родителям, то иди, я не держу тебя, – на что брат удивлённо посмотрел на неё.

– О, нет, конечно нет! – возразил он, – Прости, если заставил так думать. Я просто подумал, что тебе тоскливо так проводить дни, в одиночестве, без занятия. И выходить нельзя, а тут как раз в магазины поступили новые журналы моды на этот сезон. И вот газета, там о недавно отгремевшем показе мод. А ты ведь любишь такое, – объяснил он, тняя Саманте журналы и газету. Взгляд девушки смягчился.

– Ты это для меня специально купил? – переспросила она. Брат лишь улыбнулся, кивнув. Девушка взяла вещи из его рук.

– Я ещё пытался замолвить слово за тебя перед отцом, но, к сожалению, он был непреклонен.

– Знаешь... Ну, спасибо, – выдавила из себя Саманта. Её лицо снова стало сурово, но менее, чем было до этого. Брат обрадовался даже такой благодарности, ведь за многие годы не получал почти никаких слов от сестры, а тем более добрых.

– Мне лучше уйти, да? – грустно спросил он, где-то внутри всё же надеясь, что она попросит его остаться.

– Да, – и брат обречённо вздохнул. На что он надеялся? Джордж медленно поднялся.

– Только прошу, не попадайся никому на глаза, иначе тебя опять накажут, – позаботился он и начал шагать прочь. Девушка открыла журнал, увлечённо просматривая новые коллекции. Пролистав пару страниц, она, всё таки, встала с места и аккуратно вышла из библиотеки, вернувшись в свою комнату.

Саманта сжалась от вины за то, как обошлась с Джорджем. Тогда она ещё не знала, что это был последний раз, когда они поговорили, прежде чем он погиб.

– Я бы хотела повернуть время вспять, – призналась девушка.

– Ты не можешь сделать этого, но можешь совершать по-

ступки, из-за которых не будешь жалеть, – ответил Дунстан. В дверь раздался стук и она открылась. На пороге была медсестра.

– Вот вы где! Время прошло, пошли, – приказала она Саманте, – Батюшка, надеюсь, вы сделали, что нужно?

– Да. Можете не волноваться, – и Саманта стала подниматься, направляясь к выходу. К сожалению, в книгах они так и не нашли нужной информации.

Англия, Гроувер. Психиатрическая клиника.

Как только девушка вернулась в больницу и с неё стянули верхнюю одежду, медсестра повела девушку куда-то мимо её палаты. Тревога нарастала в душе Саманты, и девушка была уверена, что должно случиться что-то нехорошее. Наконец, они дошли до какой-то комнаты и проследовав внутрь за работницей, Саманта увидела помещение чем-то сродни операционной, с таким же столом, яркой лампой. Помимо пары, в комнате уже было несколько медицинских работников, а рядом с столом стоял некий аппарат. Прежде чем Саманта полностью осознала, что здесь происходит, чьи-то руки схватили её, таща к столу. Она начала брыкаться, но их было больше и девушка не смогла выбраться. Её грубо кинули на операционное ложе. Девушка вскрикнула от сильного удара столкновения. Сначала зрачки сузились от яркого ослепляющего света висящей сверху лампы, но его быстро перекрыли чужие нависшие фигуры, втолкнувшие в рот Саманты реме-

шок. Девушка дёрнула рукой, ногой, но конечности не были способны подняться – на них было повязано что-то, что мешало двигаться. Далее она почувствовала нечто холодное на своих висках. Дыхание Саманты участилось, она испытывала настоящий животный страх. Кажется, даже текущая в венах кровь заледенела. Вдруг вместо очертаний врача появилась тень. Та зловеще улыбалась.

«Впусти меня в своё сознание, и я спасу тебя из этого кошмара, – убеждала она. Но девушка лишь яростно замотала головой, зажмуриваясь, – Нет, нельзя! Ради брата, ради Дунстана, Лолы... – противилась девушка. Тень злилась на возражения девушки, – Они уничтожат тебя сейчас» – продолжала она, – Заткнись!», – Саманте нельзя было допускать даже мысли о согласии с тенью, иначе зло вмиг бы завладело ей. Неожиданно девушку пронзил заряд. Её тело забилося в конвульсиях от проходящего тока. По всему телу Саманта ощущала самую настоящую агонию – она чувствовала, как будто абсолютно каждая клеточка её организма охвачена огнём. Ни одно связное предложение больше не могло находиться в её голове – всё, о чём она думала, было одно слово: «Больно». Эти минуты тянулись для девушки вечность, эта боль была худшей, что она претерпевала, её тело навеки запомнит эти страдания. Наконец, разряд тока отключили, девушка рухнула на стол, совершенно обессиленная. Её глаза закрылись и она потеряла сознание.

Англия, Лондон. Замок Дэвнпортов и Клоуфордов.

Что же до Элизабет? После удара она шокировано озарилась на мать, держась за больную щеку.

– Замолкни. Раз тебе неуютна твоя жизнь, ты всем недовольна и всё время пытаешься сбежать, тогда мы запрём тебя в подвале, и ты никогда оттуда не выйдешь, – Джереми на эту идею одобрительно захлопал. Элизабет дёрнулась в испуге. Она не подумала о последствиях своих слов.

– Прекрасно, прекрасно миссис Лилиуокалани и как только у такой женщины выросла такая дочь. Сию секунду же я закрою её там, – Джереми схватил Элизабет за руку. Даниил останавливает его, взяв Элизабет за вторую руку. Она оказывается меж двух мужчин.

– Прекратите. Сейчас вы все на взводе и это слишком поспешное решение. Вы обязательно подберёте наказание завтра утром, а пока что давайте все разойдёмся по комнатам, – сделал довод голос разума среди разгорячённых аристократов. Но они были непреклонны.

– А я с ними согласна, запирайте эту юродивую! Я всегда видела, что с ней что-то не так и не хотела, чтобы она была женой моего сына, – пробурчала миссис Беатрис.

– Я тоже согласен. Даниил, ты в этом доме никто, чтобы принимать решения. Альберт, как считаешь ты? – спросил мистер Уильям. Альберт тяжело вздохнул.

– Я надеялся, что до такого не дойдёт, но другого выхода не имеется. Уведите её, – стальным голосом проговорил он.

Элизабет не была удивлена предательством от собственных родителей. Этот проступок оставлял на её душе лишь мерзкое послевкусие после себя, но её самой главной болью было больше никогда не увидеть дочь. Более того, Элизабет знала, что, не родив ребёнка, её дочь рано или поздно сойдёт с ума, потеряв себя. То, что Саманта не будет счастлива, было ещё хуже для Элизабет. Тем не менее, Даниила одёрнули от неё. «Хотя бы он, единственный в этом доме, заботится обо мне» – единственное, что грело Элизабет. Джереми тащит её за собой и, дойдя до подвальной двери, открывает ту и бросает женщину в открытый проём. Она падает, ударяясь о лестничные ступеньки. Дверь закрывается, последнее, что Элизабет видит, это ненавидящий взгляд мужа, после чего всё погружается в непроглядную тьму.

Она просыпается, будучи лежащей на холодном полу. Пройшей ночью на ощупь Элизабет сумела спуститься по лестнице и устроиться внизу. Вероятно, сейчас утро или день, однако точно она сказать не могла. Полное отсутствие света держало в неведении и нагоняло панику на неё.

Англия, Гроувер. Психиатрическая клиника.

Утро Саманты Клоуфорд было не лучше, чем у её матери. Всё тело болезненно ныло, перенапряжённые мышцы саднили при малейшем движении. Сознание было помутнено, не особо соображающее, где, зачем и почему находится. Среди пучины тумана в голове, проблеском стала внезапная мысль:

«Если примешь меня, станешь сильнее. Забудешь об этой боли. Просто поддайся мне, повинуйся». После электрошоковой терапии слабая Саманта проигнорировала зов. Немного приподняв голову, она осмотрелась вокруг. Напротив был тот же столик. Она в своей палате. Единственное, что бросилось в глаза, так это маникюрные ножницы на столе, небрежно оставленные некой медсестрой.

«Ты видишь это Саманта? Сейчас так тихо... Никого нет. Заткнись. По включенному свету, очевидно, сейчас ночь. Давай, Саманта. Сделай это. Нет, я не убью человека! Это не просто убийство человека, это лишь вынужденная мера ради твоего побега и собственного благополучия. Всем людям здесь плевать на тебя. Нет, они презирают тебя. Что они творят с тобой? Ты уже забыла все ужасы, что они делали с тобой? Они делали это, но... Никаких но. Никто не имеет право так обходиться с тобой, ты не Саманта Филдс, ты – Саманта Клоуфорд. Убей её и сбеги. **Убей её и сбеги.** Разве ты не хочешь снова вернуться в тёплый уютный дом к любимой матери, вместо страшной больницы в умирающем городе, с людьми, издевающимися над тобой? Я хочу». И после этой мысли тело Саманты дёрнулось. Боль резко пропала. Её глаза стали яснее видеть, чувства ощущались более острыми, она мыслит быстро и чётко, но будто бы не по-человечески, а по-звериному. Девушка медленно поднимается с кровати. Она выглянула в коридор, оглядевшись на наличие каких-либо лиц рядом. Никого. Она уже у стола и хватает лежащий ин-

струмент. Когда до её ушей доходит отдалённое цоканье каблучков, хищница прячется в палату, выжидая затаив дыхание. Несколько мгновений и медсестра непонятливо оглядывается в поисках пропавших ножниц. В этот момент она вылезает из укрытия, появляясь за спиной у жертвы. Девушка оборачивается, но не успевает выдать испуганного крика, как её рот затыкают. Последовал удар в живот. По белоснежному халату медленно расплзается красное пятно. После следующего удара пятно становится больше. Медсестра мычит и сопротивляется, но хватка хищницы слишком сильная. Удар. Удар. Удар... Удар. Девушка обессиленно падает в руки Саманты. На лице последней дикая улыбка.

– Рано или поздно я полностью завладею этим телом, – с этими словами сущность не может боле управлять сознанием Саманты и также внезапно, как оно завладело её разумом, так и внезапно пропало. Клоуфорд падает на колени. Перед ней настоящая картина убийства, мёртвая девушка, растекающаяся лужа крови. Но она не великий детектив, а истинный виновник – с чужой кровью на руках и одежде. Девушка не помнила произошедшее, совершенно, но всё и так поняла. У неё спёрло дыхание. «**Нет. Нет нет нет нет нет.** Это не правда» – Клоуфорд не верила, что снова сделала это. Убила человека. Как в ту роковую ночь. Воспоминания нехотя всплыли перед глазами. Самантой точно так же, как и сейчас овладевают мысли, сдерживать которые она больше не способна. Они кричат, что его любят больше, что он

нужен им больше. Они избавятся от неё, как только смогут, выдав замуж, а он продолжит быть рядом с их родителями. Её, всего на год младший брат. И под этим позывом в потёмках настигнувшей дом ночи она крадётся к его комнате. У неё был красивый кинжал, который она хранила как раз из-за его внешнего вида, но сейчас он нашёл своё применение. Саманта, минуя дорогие ковры, роскошно расписанные стены, доходит до нужной двери. Открыв ту, бесшумно проходит внутрь и неожиданно застаёт брата, смотрящим в окно. Закрытие двери сзади заставляет его обернуться на звук.

– Саманта? – удивлённо вопрошает он. Девушка не отвечает. Брат не сразу замечает оружие в руке сестры. Посторонний предмет он видит лишь тогда, когда она подходит к нему вплотную. Но было уже слишком поздно, ведь Саманта вгоняет в него лезвие. Парень издаёт невнятный звук боли и хватается за её руку, пытаясь остановить, но ей будто бы овладела звериная сила. Рука сестры была столь тяжёлой, что он не был способен её заломить, поэтому получал серию ударов в живот. Джордж стал толкать Саманту, вырываться и пятиться. В потасовке они громили комнату, сбивая предметы вокруг. В конце концов, сестра повалила брата на пол, садясь на него сверху и продолжая бить кинжалом. Рука Джорджа упала на пол, тот был больше не в силах сопротивляться.

– Я заботился о тебе... – прохрипел парень, захлёбываясь в собственной сочащейся изо рта крови и умолк навсегда. Его слова отрезвили её. Она опомнилась, не понимая,

почему держит нож, а под ней лежит брат в ужасающем виде. На странный шум проснулись Элизабет и Джереми. Они встали и кинулись на звуки, но зайдя комнату сына, застали лишь стоящую в свете луны окровавленную Саманту и рядом лежащего в луже собственной крови, Джорджа. Джереми, не медля, подбежал к дочери, выхватывая оружие. Элизабет закричала в приближающемся приступе истерики, будя остальных членов семьи. Разъярённый отец схватил девушку и повёл на первый этаж. Дойдя до подвала, он бросил Саманту в сырое помещение. Даже сквозь эти толстые каменные стены она могла слышать крики ужаса своей семьи. Когда общая истерия и паника начали утихать, все принялись за ругань и споры о том, что делать дальше. Переругавшись, взрослые приняли решение увезти Саманту в далёкий город Гроувер, сдав в клинику. Семейство чаёвников не могло не знать об этом городе, положившему начало их бизнесу. Так что, не медля, они наняли доверенных лиц для секретной перевозки. Это была худшая ночь в жизни Саманты.

И сейчас в голове бегало множество мыслей, смешавшихся в одну большую путаницу: нахлынувшие воспоминания, укоры, обвинения и ненависть к самой себе, непонимание, что делать дальше. В коридоре появляется кто-то ещё. Девушка оборачивается и видит её – Долорес. У Саманты застрекает ком в горле и дальнейшую реакцию девочки она предсказать не может. В их следующую встречу девушка представляла, как будет извиняться, как они порису-

ют вместе или что-нибудь ещё. Но точно не так, как Долорес узрит истерзанную своей подругой женщину. Секунды тянутся точно минуты, но Лола молчит. Девушки лишь немотно смотрят друг другу в глаза. У Лолы весь трагизм в них.

– Иди, – тихо, но эмоционально проговаривает она, – Иди. Я задержу их, просто уходи, – склонив голову, говорит Долорес. Саманта забыла отметить, у Лолы было зеркальце в руках, видимо, пережило тот удар. И Долорес просто любовалась собой, а потом выбежала на страшные звуки, даже зеркало забыв оставить. Саманта лезет в карманы халата убитой, находя ключи от запертой двери, и поднимается с пола, – Подожди секунду лишь, – останавливает её Долорес, подходя ближе и неуверенно протягивая зеркало, боясь повлечь агрессию, – Возьми. Если не примешь, я пойму. Просто хотела, чтобы моя частичка была с тобой, – Саманта обомлела от её слов. Девушка берёт предмет из её рук.

– Лола... Спасибо, спасибо. Прошу, прости меня. Умоляю, прости, – срывающимся голосом отвечает девушка. Долорес хмурится.

– Иди уже! И не смей возвращать мне это, – шуточно улыбнулась девочка. Уголки губ Саманты тоже потянулись вверх, но обе их улыбки были больше горестными.

– Обещаю, не верну, – ответила она. Даже без этого они понимали, что никогда Саманта не вернёт это зеркало Долорес и даже не потому, что никогда не вернётся в Гроувер. Они дарят друг другу последний взгляд и Саманта бежит

прочь, к двери. Руки судорожно трясутся. Среди множества ключей ищет подходящий. Пара попыток и дверь отворилась. Саманта сбегает с лестницы и перед ней два пути – обычный вход, на котором за стеклом находится человек и другой, служебный. Она выбирает второй. Правда, Саманта не учла, что находится в больничной сорочке и поэтому наружный холод морозит её совсем, как в первый раз, когда она только прибыла сюда. Тем не менее, бьющий адреналин в какой-то мере согревает её, не давая прочувствовать всё. Выбравшись, девушка испытывает какое-то небольшое облегчение от вдыхания морозного свежего воздуха, будто воздуха свободы. Она уже знает, куда пойдёт, ведь во всем городе ей некуда больше пойти, чем кроме как в это место. Церковь. Она знает, что он всегда ждёт её и уверена, что он не сдаст её.

Спустя полпути, прошедшего к церкви, Клоуфорд устало садится на сырую землю за каким-то деревянным домиком. Сделав передышку, она вновь направляется к церкви, постоянно тревожно оглядываясь. Шаг за шагом, и в дали дороги уже видно пару куполов. Для Саманты они словно мираж для пустынного путешественника, с таким же упоением и надеждой она мчится туда. Клоуфорд достигает железных ворот. Пролезая через перегородку, бежит к деревянным дверям. Стук за стуком и та открывается, девушка пулей влетает внутрь. Священник выглядит удивлённым.

– Батюшка, прошу, помогите! Мне больше не к кому идти,

я не знаю, что делать дальше, мне стра, – тараторит девушка, пока священник не прерывает её.

– Дитя. Дитя, прошу, тише. Успокойся и говори по порядку, иначе я ничего не пойму, – наставляет мужчина, держа её за плечи. Саманта слушает его, делая пару глубоких вдохов и выдохов, но это не помогает ей успокоиться. Мысли опять окутывает чёрная дымка, однако под влиянием стресса она даже не замечает того.

– Вы ведь знаете, что внутри меня есть что-то недоброе, – говорит первое, что приходит в голову, пытаюсь начать, – Я убила медсестру в больнице и сбежала. Теперь меня ищут, – вываливает разом.

– Дитя, – тяжело произнёс он, а его лицо стало сурово, – Это ужасно, – неожиданно для неё сказал он. Это испугало Саманту. Задумавшись, пару минут он медлил, прежде чем решить, а для неё это ожидание казалось вечным и она, как приговор, ждала его слов, – Ты не можешь здесь оставаться. Я сейчас же доложу о твоём местонахождении, – и девушка опешила, не ожидая такого вердикта. Его голос казался для Саманты чужим, а лицо непривычно злым. Он отвернулся, уходя от неё, очевидно, собираясь совершить звонок и доложить о ней. «Ты же не позволишь ему разрушить твой замысел? Воспрепятствовать твоему счастью? – Но он стал мне как отец, я не могу убить его – Именно, как отец, как Джереми, который никогда не обращал на тебя внимание. Он не любит тебя, если бы любил, не поступил бы сейчас так, как

Джереми. Не предал тебя».

– Батюшка, стойте, – окликнула Саманта, но почему-то находилась на полу. Девушка не нашла своего собеседника рядом.

– Батюшка? – смятенно отозвалась она. Её руки сжимали что-то мягкое. Клоуфорд посмотрела вниз. **Это была человеческая шея.** Под ней на полу распластался умерщвлённый священник. Пугающая гримаса предсмертной агонии застыла на его лице. Вместо воспоминаний были рваные отрывки произошедшего: Он уходит, но она нападает на него, поваливает и душит на полу. Священник рьяно сопротивляется. Но всё было предельно ясно и без них. Она убила Дунстана. С этим осознанием девушка разразилась криком, что отдался эхом по залу. Её пробил дрожь. С лица Саманты упали горячие капли на его ещё неостывшее тело. Времени медлить нет, но она не может не сжать его ладони, не плакать в них. Его потеряла ощущалась, как смерть собственного отца. С трудом она встаёт, слабо разбирая хоть что-то перед собой размытым слезами взглядом. Оборачиваясь в последний раз, девушка надеется увидеть другую картину, где он жив и здоров, провожает её. Но перед собой видит лишь обезображенное бездыханное тело и пустой ночной церковный зал. Она вспоминает тот светлый день, когда она впервые вошла сюда. О, этот солнечный свет, пробивающийся сквозь окна, освещая всё внутри. И он, впервые обратившийся к ней за мольбой. И нынешний контраст – лишь одинокая тём-

ная ночь и синева лунного света. Пролитая кровь, что не положено священной церкви. Он... Больше не жив. Последнее, оставленное ей – капнувшая на кафель слеза. Хлопок двери. Девушка так и не заметила несколько валявшихся вещей – немного продуктов, тёплая одежда.

На сердце камень, но делать нечего. Саманта решает пробраться к конюшне и выкрасть коня. Денег у неё нет, да и скорее всего, извещённые о сбежавшей пациентке из больницы возчики, всё равно бы не стали везти её. Особо незнакомая с местностью города, она терялась в зданиях, бредя, куда глаза глядят. Благо, город был маленький, и обойти тот было совсем не сложно. Тяжело это поселение было отнести к городам, настолько оно небольшое, однако и не настолько маленькое, чтобы отнести к деревне. Наконец, Саманта набрела на некую постройку, похожую на конюшню. Подёргав ворота, те не открывались. Заперто. Она обошла конюшню вокруг, найдя маленькую дыру. Начала дёргать рядом лежащие деревянные подкладки, расширяя пространство. Недолгие попытки и она уже смогла пролезть в полученное отверстие. В конюшне был совсем небольшой выбор коней – всего три загона с отдыхающими внутри лошадьми. Происхождение из знатной семьи сейчас спасало её – с детства учась верховой езде, она знала, как обращаться с конями. Оглядевшись, у выхода Саманта заметила дремлющего на стуле охранника, повезло. На столе рядом с охранником валялось несколько яблок. Придётся подкрадываться. Тихо, на носоч-

ках Саманта подошла ближе. Аккуратно наклонившись, медленно взяла все яблоки. Некая сумка валялась у ног женщины, и девушка нагнулась, решая украсть её. «Прости, но мне сейчас нужнее» – подумала она. Небольшая испарина всё же появилась на её лбу от возможности попасться, ведь она была настолько близко к нему, что могла даже почувствовать его дыхание. Саманта была удивлена тем, что в конюшню всё ещё не явился её хвост. Удирать нужно было как можно скорее, ведь те нагрянут сюда с минуты на минуту. Сделав дело, она решает предварительно открыть ворота конюшни. Рукой лезет в карман спящего, находя ключи и, отходя от охранника, изнутри открывает ворота, следом направляясь в загон с лошадью. Одна была в полудрёме, остальные две сладко дремали. Клоуфорд выбирает первую, которую легче разбудить. Саманта проникает в загон той, поднося к носу ароматный фрукт, немного поглаживая кобылу. Учувя запах, та приоткрывает глаза. Благодаря яблоку лошадь не пугается Саманты. Девушка скармливает ей фрукт и подбирает рядом валявшееся седло, быстро запрягая животное. Наконец, дело было провернуто и Клоуфорд выводит лошадь из конюшни. Усаживаясь верхом, девушка тянет поводья, направляя кобылу в нужное направление. Слабо ударив лошадь ногой, та поскакала. Саманта уже приближалась к той самой табличке, что она заметила, как только прибыла. Табличке, оглашающей название города. Сзади она слышит мужские крики: «Это она!». Но Саманта не нервничает. Тем ещё нужно

запрячь лошадей, и догнать её, времени скрывается предостаточно. Успешный побег заставляет какую-то малую часть её души успокоиться. Остальную заполняет горечь всего случившегося, но, несмотря на ужас прошедших событий, в ней появляется маленькая надежда на лучшее будущее. Дорога предстояла долгая – точно один день езды, а с остановками ещё больше. Возможно, та маленькая, капризная и инфантильная девочка, коей она была, когда ещё жила в отчем доме, не выдержала бы затёкшие, саднящие, от езды конечности, промёрзлые кости, закрывающиеся от бессонницы глаза и не евший, как минимум два дня организм. Но нынешняя Саманта была готова ко всему ради своей цели.

Восход. Луна сменилась восстающим слепящим солнцем. Клоуфорд не могла ехать дальше, иначе, кажется, просто свалилась с кобылы от обморока. Она сворачивает с дороги к полю, подъезжая к одиноко стоящему дереву. Саманта слезает с лошади, привязывая поводья к стволу дерева. Девушка роется в висящей сумке, находя там яблоко, следом кормя фруктом лошадь. Затем лошадь прикрывает глаза и тоже приседает, складывая ноги под собой. Саманта садится рядом с ней и аккуратно прижимается к животному. Чтобы не замёрзнуть ночью. Её глаза невольно закрываются, и она погружается в сон.

Девушка просыпается тогда, когда солнечный свет во всю бьёт ключом. Днём. После сна она не ощущала себя отдохнувшей, а тело всё равно болело. Посмотрев вокруг, она ви-

дит, как животное уже проснулось и жуёт траву с поля. Это напоминает о том, что ей тоже нужно подкрепиться. Достав ещё одно яблоко, Саманта трапезничает малым продовольствием. Перекусив, она спешит отвязать лошадь от дерева и забраться на ту, продолжая путь. Ехать ещё нужно точно до вечера.

Дорога успешно доводит девушку до Лондона. Саманта проезжает мимо гласящего указателя, обозначающего через следующие несколько метров город Лондон. Она блаженно выдыхает, считая, что успешно доехала до места назначения. Однако, впереди дороги она замечает две фигуры, точно также едущих верхом. Даже издали по силуэту заметны вытянутые шляпы, кажется, это полицейские, вероятно получившие звонок из Гроувера о её вероятном прибытии в Лондон. «Будут патрулировать местность? Это не является неожиданностью, ничего не могло быть так легко. Уверена, они уже заприметили меня. Нужно скрыться от них». Она судорожно думала, куда могла бы улизнуть от них. Неважно, правда ли бы они узнали в ней беглянку или нет, они бы всё равно арестовали её из-за того, что она одиноко едущая девушка. «Значит, дождусь, пока мы не встретимся лицом к лицу с ними. Затем резко рвану и там уже разберусь куда», решила она. Полицейские почти полностью приблизились к ней.

– Гражданка, остановитесь. Вы едете без сопровождения мужчины, нам придётся сопроводить вас в отдел, – начал

один из мужчин. Второй одёрнул его, шепча.

– Ты смотри... По описанию это же точь в точь та сбежавшая.

– Дурная башка, помолчи! Знаю я, – выругался на него тот. В этот момент, когда оба отвлеклись, Саманта резко ударяет лошадь ногой, на что та быстро разгоняется, убегая от двух мужчин.

– О мой бог, она сбежала! – крик, что слышит Саманта позади, прежде чем всё не заглушает топот копыт. Сердце начинает быстро колотиться, она не может быть поймана сейчас, когда преодолела такой путь! Лошадь вбегает в город, столпотворение людей сразу разбегается в стороны, не желающие быть задавленными. Находящиеся люди поодаль могут наблюдать всю картину со стороны и даже разглядеть всадника. Некоторые, несомненно, узнают в ней официально объявленную «почившей» своими же родителями, дочь чаёвников. Тем не менее, девушка мчится, сворачивая в очередную улочку, надеясь, что та не станет тупиком. В погоне она даже не успевает разглядеть улицы родного города, насладиться возвращением в него. После очередного поворота она тянет поводья на себя, останавливая лошадь, и спешно слезает с неё. Слыша приближающийся топот, девушка бежит в одну из двух развилок пути, оставляя верного спутника. Полицейские озадаченно останавливаются из-за преградившей дальнейшее движение лошади, и это даёт Саманте фору на побег. Девушка останавливается, оказавшись в ка-

ком-то узком переулке с дальнейшим тупиком. Она присаживается, восстанавливая дыхание. Снаружи переулка пробегают две лошади, миновавшие её. «Я смогла. Сбежала», горделиво думает про себя девушка. Стена напротив привлекает на себя внимание всеящей на ней страницей из газеты. Саманта поднимается, заинтересованно подходя к вырезке ближе. Что же происходило в Лондоне в её отсутствие? Читает первую статью, под громким заголовком «Трагедия воскресной ночи. Что случилось с Джорджем Дэвнпорт и Самантой Клоуфорд?». Девушка не первый раз читала о себе в новостных сводках, но сейчас... В сложившейся ситуации её особенно волновало, что же случилось с ними для общест-венности. Текст дальше гласил: «Ночью 13 сентября произошло ужасное: Джордж Дэвнпорт и его сестра, Саманта Клоуфорд, дети владельцев великой чайной империи, погибли в результате несчастного случая. Родители почивших, мистер Джереми Дэвнпорт и миссис Элизабет Дэвнпорт, дали следующие показания: *Это была глубокая ночь, когда мы уже спали. Но услышав треск разбитого стекла из комна-ты сына, сразу подскочили с кровати, направляясь к нему. Открыв дверь, мы ужаснулись, перед нами предстало раз-битое окно и отсутствие кого-либо в комнате. Тогда, под-бежав к нему и глянув вниз, мы увидели то, чего так боялись: снаружи на земле лежали наши дети.* Родители предполагают, что всегда дружные дети дурачились и, не рассчитав си-лы, толкнули друг друга прямо в окно. Следователи продол-

жают работу по этому делу. Тем не менее, в голове возникают вопросы насущные, как же без единого наследника будет дальше существовать великая чайная империя? Или вовсе, не будет?». Дальше Элизабет не читала. «Меня... объявили мёртвой?».

Тем же временем, замок. У Элизабет.

Её нахождению в подвале уже насчиталось два дня. Сырость и холодность помещения, несомненно, морозила её, но не настолько, насколько боязнь за дочь. Распорядок дня здесь был таков – утром и вечером кто-то заносит ей еду. Единственный секундный проблеск света происходит в момент открытия двери. Никакого фонаря, Элизабет ест в темноте на ощупь. Больше за день ничего не происходит. Элизабет боится, что так сойдёт с ума. Она потеряла счёт времени. Иногда она просыпается от пробегающих по ней насекомых, изредка слышит писк крыс, до дрожи пугающий. Но женщина совершенно бессильна в своём положении, сбегать сама она не в силах. Внезапно ослепительный свет озаряет её. Вновь принесли еду. Однако кое-что изменилось. После закрытия двери вверху подвальной лестницы исходил слабый свет. словно бабочка на огонь, Элизабет поползла к поставленному фонарю. Наличие света вызвало улыбку на её лице. Сжалились ли над ней Дэвнпорты или это Даниил в тайне позаботился о ней? Элизабет взяла его в руки, обращившись с ним вокруг, чтобы оглядеть помещение. Обыч-

ный подвал. Женщина посмотрела на своё платье. То было грязным и свалявшимся. Она вздохнула, вернувшись к поставленной еде и принялась есть омлет руками. Доев, на дне тарелки замечает свёрток бумаги. Удивлённо приподнимает бровь, беря свёрток в руки и разворачивает. Внутри записка. *«Элизабет. Я ищу способ вызволить тебя отсюда. Светильник включай только после того, как тебе принесли еду. Смотри, нет ли ничего в еде, затем выключай и во всё остальное время держи выключенным. Готовься к скорому побегу. Даниил.»* Элизабет расплылась в счастливой улыбке. Даниил настолько отличный от Дэвнпортов не только внешностью, но и характером. Женщина ещё может надеяться на хороший исход.

Тем же временем, замок. Даниил

Я не могу не признаться. Наблюдать провал Элизабет во второй раз было мучительно. С сожалением я смотрел на то, как вся семья, словно дикари, накинулась на неё. Однако сделать я почти ничего не мог – как бы то ни было, она и правда провинилась, а в этом доме со мной никто не считается. Но разве мне не всё равно на эти обстоятельства? Я не был бы собой, если бы не помог ей всем, чем смог. Буду честен, решение семьи заточить Элизабет в подвале, меня ошеломило. Внутри меня возник какой-то огонь гнева и, даже заведомо зная, что эта идея будет провальной, я вступился за неё. Как и оказалось, никто меня не послушал. Но

уже тогда я был намерен вызволить её из плена. Я долго терпел. Терпел, как и непотребство их отношения ко мне, так и к Элизабет, но это та грань, которую они уже перешли. Та грань, после которой я готов перейти и свою.

Заведомо утром Джереми отправил меня в полицейский отдел, прикрывать побег его жены. Сами Дэвнпорты назначили тайную встречу у себя дома. Сейчас все их силы будут направлены на сокрытие сие происшествя. Когда я добрался до работы, то направился в свой офис, в который уже выстроилась очередь из моих подчинённых. Стук в дверь

– Да, войдите, – громко проголосил я, следом послышался скрип. Полицейский с львиной долей бумаг в руках прошёл внутрь.

– Начальник. Насчёт вчерашнего, жена Джереми...

– Да. Клади бумаги на стол. Я всё оформлю, кому надо сообщу и всем, кому надо будет, приказы отдам. А правило о неразглашении вы все знаете.

– Вы правы, но не только это. У нас ещё одна проблема, психически больная вчера сбежала из клиники и укрылась у нас, в Лондоне! Все люди видели её, происходит общественный резонанс. Мы не знаем, как это уладить, – беспокоился он. А психически больная... Это, вне сомнений, должна быть Саманта.

– Люди видели её. По городу поползли слухи, что это она, но это лишь слухи. Люди точно не знают. Так что выступите к ним с объявлением о том, что незнакомка не опасна, это

всего лишь молодая девушка, сбжавшая откуда-то. Заверьте, что вы сейчас работаете над её поимкой.

– Хорошо. Отправить ли силы на патрулирование улиц, закрыть выход из города?

– Нет.

– Но почему? Разве нам не нужно её поймать? – шокировано спросил он.

– Пока нет. И да. Моей семье ни слова о том, кто она такая. Если спросят, говорите, что сами ничего не знаете. Понятно?

– Да, – какой неуверенный ответ, очевидно, озадачен моими решениями, – Надеюсь, когда-нибудь я пойму ход ваших мыслей.

Прискорбно, но ты вряд ли поймёшь.

– Тогда иди уже. Исполняй назначенное.

Твёрдым голосом приказал я. И он выпрямился, проголосив: «Да, сэр!». Развернулся, вышел, хлопнув дверью. Я остался один среди бумаг и последующих телефонных звонков с улаживанием ситуации Элизабет.

С работы я вышел под вечер. Кроме этой проблемы, к головной боли прибавились ещё множество других преступных случаев, по всем которым нужно составить документы. Зато, обрадую Дэвнпортов, что никто не узнает про сбжавшую жену и к ответственности не привлекут. Однако по сравнению с тем, что Элизабет заточена в тёмном подвале, все остальные проблемы и разбирательства кажутся мелкими сошками. Как же она там? Тягостные мысли заставили

руки потянуться в карман сюртука за сигаретой. Коробок спичек всегда лежал там же. Как только сигарета загорелась, я поднёс ту ко рту, ощущая, что её малый огонь в какой-то степени греет пальцы. Я затянул фильтр и выпустил клубок пара изо рта, однако тяжёлое бремя беспокойства на душе не рассеивалось вместе с дымом. Я успокаивал себя мыслями, что спасу её и стоит лишь потерпеть. Я сам сейчас не понимал – волнуюсь ли я за её состояние настолько или же я просто не могу претерпевать любую разлуку с Элизабет? И я зол на Дэвнпортов. Несомненно, сбежав, она поступила предательски и будь я на месте Джереми, тоже придумал бы ей серьёзное наказание, сродни этому. Но я не хочу, чтобы они трогали её. Они не имеют право на это. И меня злит то, что они себе позволяют касаться **моей** Элизабет. Злит всегда, когда они повышают на неё голос, злит, когда этот урод Джереми ударял её. Злит, что он с ней спит. Глаз начинает дёргаться. Нужно отбросить эти мысли, мне ещё предстоит встреча. Сделав пару глубоких вдохов, я старался расслабиться и остудить разум. Когда буря эмоций внутри начала утихать, моё лицо тоже перестало выражать эмоции. Только холодная голова и взгляд. Я ступил вперёд, прочь от отдела. Но мою руку кто-то перехватил.

– Начальник, подождите! – перепуганными глазами на меня глядел подчинённый, – Мне... Мне поступила информация!

– Успокойся. Расскажи всё по порядку.

– Информация, что чай из рувиросов отравил двоих человек, – я озадачился.

– Так, отойдём, – сказал я, уводя его под руку в сторону.

– Как и откуда?

– Телефонный звонок сначала... Я на дежурстве стоял. Потом собрался на вызов один, попросил подменить меня на другого, понимал, что для вас это важно. И правда, смерть от отравления этим чаем. Муж у жены умер. Я просил хозяйку ждать начальства, никому пока не говорить, будут разбираться. Поспешил вернуться в отдел, вас найти, а там другой звонок уже! Я не дал ответить тому, кто стоял, сам бросился трубку поднимать и всё точно также! Вот сейчас вернулся со второго вызова. Докладываю вам.

– Я понял. Разберусь. Не говори никому, – строго приказал я.

Англия, Лондон. В то же время, у Саманты.

«Меня... объявили мёртвой?» – это первый вопрос, что возник в её голове. «Это понятно. Не стали бы они заявлять, что я убила брата, ведь так трясутся за свою репутацию. И это не меняет положения дел, всё равно я не могу просто прийти к семье и всё равно мне нужно скрываться от людей. Только где же мне найти пристанище, – терзало её мысли, – Надо выбираться отсюда, я не смогу тут вечно укрываться» – решила Клоуфорд. Девушка выглянула за угол, удостоверившись, что никого нет, тихо вышла и кралась по улочкам. С

одной стороны, Лондон большой город – в нём легко затеряться среди переплетённых путей, множества домов и людей, но также и легко самому запутаться в бесконечных развилках. На очередном повороте она натывается на незнакомца. Тот замечает её, испуганно содрогнувшись.

– Ты! Это ты девка с площади, которая чуть не задавила там всех! – голосит во всё горло он, – Ааааа, здесь! Она здесь, хватайте её! – кричит незнакомец, от чего Саманта цокает и злостно смотрит на него.

– Ты! Тихо, идиот, – шепча, ругается она. Незнакомец делает выступ на неё, пытаясь ухватить за руку, а вдали слышится чей-то топот. В последнюю секунду девушка уклоняется и убегает в противоположную сторону. «Как же я устала постоянно от кого-то бегать. Куда мне сейчас?» – думала Саманта. Среди улочки особо выделялся один маленький дом, он одиноко стоял немного поодаль от всех остальных. В отчаянии девушка решила попробовать найти укрытие там. Громко и судорожно она уже настойчиво стучала в дверь хозяина, лишь молившись, что тот дома. Дверь открывается, и Саманта влетает внутрь. Брови хозяина ползут вверх.

– Вы, простите, кто? – сердито спрашивает он, а девушка замечает, что собеседник перед ней уже почти преклонного возраста.

– Простите, пожалуйста, я всё объясню, только не выгоняйте! – умоляет она его она, а в дверь снова стучат. Старик нахмурился, думая, кого опять принесло, а девушка вздра-

гивает в страхе, что хозяин сдаст её преследователям.

– Просим прощение за беспокойство, но не видели ли вы одну девушку? Такая, со светлыми короткими волосами, глаза яркие, красные. Ищем её, – чей-то серьёзный голос раздаётся снаружи. Мужчина переводит взгляд на Саманту, стоящую дальше от двери и девушка жалобно мотает головой, безмолвно прося не сдавать её. Мужчина возвращает взгляд на пришедших.

– Нет, не видел, – уверенно сказал он, – А чего ищете её-то?

– Да приехала в Лондон без мужчины, так ещё и ворвалась в толпу на лошади, чуть людей не посшибала, – раздражённо отвечает голос.

– Ужас какой. Обязательно сообщу, если замечу её где-то. Всего доброго, – спешил отделаться от них хозяин. Голос снаружи пожелал того же и мужчина закрыл дверь, переводя серьёзный взгляд на Саманту.

– А теперь потрудитесь оправдаться, юная леди, – строго начал он. Саманта грустно посмотрела на него.

– Да, те люди, что приходили, правы. Я беглянка и чуть не задавила людей на улице.

– Я просил оправдать себя, а не наговаривать ещё больше на свой последующий выгон, – саркастично ответил мужчина.

– Мне нужно было сбежать, я не могла по-другому. Меня насильно держали в одном месте и издевались.

– В психушке что ли? – непринуждённо спросил он. Саманта опешила.

– Как вы...

– Да я человек бывалый, не надо мне песни петь, размытыми выражениями зубы заговаривать. Небоось, боишься, подумаю, что ненормальная, да за дверь выставлю?

– Да, – честно призналась она.

– Не бойсь. Знаю я, как у нас это происходит. За любую мелочь бытовую женщин мужья кличат ненормальными, да отправляют туда. Причем только с аристократками так ведь! Вот обычные мужики нравом закалённые, духом крепкие, им лишние женские капризы или истерики не страшны, с кем не бывает? А вот эти аристократские мужики, это они с любой мелочи из себя выходят. А некоторые просто крысы канализационные, жену, куда подальше отправляют и сами теперь в праве распоряжаться её имуществом. Вот так, – закончил монолог хозяин. И Саманта удивилась его словам.

– Вы правы. Меня точно также отправили туда, – соврала она. Не могла же она сказать, что убила человека. Но всё равно слова старика вызвали в ней восторг, ведь многие женщины попадали в клинику именно таким образом.

– В общем, неважно. Отошли мы от темы. Как зовут-то тебя? – Саманта замешкалась, неуверенная, стоит ли ей говорить правду.

– Элла, – соврала она первым пришедшим в голову именем, тут же ощущая горечь от собственной лжи приютивше-

му её человеку.

– Я Brent. Старик Brent Филдс, – представился он в ответ. «Филдс?– подумала Саманта, – Фамилия совсем та, что мне дали вместо Клоуфорд, как странно...»

– Но ты знай. Я может сейчас тебя прикрыл, может чаем напою, переночевать дам. Но у себя не приючу.

– Я признательна вам хотя бы за то, что вы не сдали меня. Не могу просить о большем, – задумчиво ответила девушка, всё ещё смущенная фамилией старика. На её слова Филдс хмыкнул.

– Садись вон за стол, чая попьёшь, поешь, – пригласил девушку он, и Саманта прошла к стулу, стоящему за небольшим столиком, присаживаясь. Brent учтиво поставил кружку и опустил чай в кипяток.

– Живу я худо-бедно. Уж не суди строго, – говорил старик, подавая к столу пару кусочков хлеба, – Не могу похвастаться разнообразием еды, – договорил он, присаживаясь на стул напротив и подперев голову руками. Саманта тоскливо оглядела старое помещение, застиранную одежду Brenta. Однако в доме было чисто. Так он компенсирует небогатое убранство?

– Нет-нет. Что вы. Я даже не обратила внимания, пока вы не сказали, – и то было правдой. На самом деле сейчас любой, даже самый обветшалый дом, был сказкой для Саманты, кусочек хлеба был праздничным ужином для девушки. Тем временем, долгое воздержание от еды принесло свои плоды –

Клоуфорд с жадностью набросилась на два куска хлеба. Глаза старика слегка расширились, но он понял, что это следствие сильного голода. Саманта закончила есть.

– А почему вы живёте один? – поинтересовалась девушка. Старик молчал пару секунд, задумавшись.

– Почему-почему... Да вот. Жена умерла, когда сына рожала. А сын умер, когда тому лишь шестнадцать стукнуло. Вот я и остался один, – Саманта охнула, понимая, что ей не стоило задавать тот вопрос. Но не только от этого, а и от странно разворачивающейся картиной. «Сын! У него был сын! Тоже Филдс. Это всё слишком странно, совпадение ли?» – размышляла она.

– Простите, – виновато сказала она. Brent начал мотать руками.

– Нет, не надо тут извинений. Меня не заденешь любым словом, да и ты не хотела, – объяснился мужчина. Саманта перевела взгляд на полки стоящего напротив неё шкафа. Среди них заметила особо выделяющуюся «книгу». Она была похожа на семейный альбом. «Нужно узнать побольше о его семье, может, с помощью альбома выйдет».

– А это? – спросила она, указывая в сторону «книги», – Ваш семейный альбом? – Brent повернул голову в сторону, куда указывала девушка.

– А, да. Он самый. Хочешь посмотреть? – Саманта закивала в знак согласия. Мужчина встал и направился к шкафу, затем вернулся к столу, взял свой стул и переставил ближе

к Саманте. Сев, тот раскрыл «книгу». На первой странице красовалась чёрно-белая фотография молодых мужчины и женщины.

– Вот. Это мы с женой. Юные ещё, лет восемнадцать нам здесь, – говорил он, ведя пальцем по фотографии.

– Она очень красивая. Как её звали?

– Мари. Мы были знакомы с детства, жили рядом. Не знаю насчет неё, но я любил Мари ещё с мальчишеского возраст. Поженились сразу, как восемнадцать стукнуло, – в улыбке вспоминал он, затем перевернул страницу. Та была наполнена множеством фотографий девушки и парня. Иногда раздельные, иногда совместные. И на каждую фотографию у Брента была история.

– А здесь Мари уже была беременна. Предвкушали рождение сына, – и, в очередной раз, когда старик перевернул страницу, женщина неожиданно пропала. Появились фотографии младенца.

– Это сын наш. Мари нравилось имя «Дариус». Так я сына и назвал, – произносил Brent с грустью в голосе. Последующие страницы были наполнены фотографиями взрослеющего мальчика и стареющего отца. Несмотря на трагедию, те выглядели счастливыми. Альбом закончился фотографией, где мальчику было на вид пятнадцать-шестнадцать лет.

– Вот и всё. Я любил фотографировать. Это я всегда упрашивал их сфотографироваться, а когда один остался, уже не с кем и некого было...

– Простите за вопрос. Но почему ваш сын умер столь рано?

– Связался он с одной аристократкой. Да не простой, эта девушка происходила из рода Клоуфордов. Тех самых влиятельных чаёвников. Удивительно, да? Обычный мальчик из простого рода и такая, как она. Её звали «Элизабет», он постоянно о ней говорил, – и глаза Саманты резко распахнулись от осознания, в груди будто застрял камень, – Через два года, как они познакомились, сбежать решили. Жить вместе хотели, но её родители добро бы не дали. Так девушка ещё и беременна была. Но в ночь побега их перехватила семья Элизабет. И они убили моего мальчика, – через боль говорил отец. Brent говорил и внешне Саманта спокойно слушала, но внутри неё происходила огненная буря. Она не могла поверить, что её отцом может быть этот «Дариус». Но может, есть шанс, что первый ребёнок матери умер, и только потом родилась она?» – отчаянно хотела надеяться Саманта. Однако пазл в голове продолжал складываться – так поэтому семья настолько ненавидит её, так поэтому она Клоуфорд, а не Дэвнпорт. Когда шокированная девушка всё же подняла взгляд на старика ей показалось, что его глаза блеснули. На душе стало ещё более грузно, Brent выглядел до невозможного несчастным, – Но какое тут правосудие? Аристократы знатные, легко от своих преступлений отмоются. А я простолюдин, у меня ничего нет. У меня не было ничего, кроме сына после смерти жены. Но и сына забрали, последнее, что

было.

– Мне очень жаль, это ужасно, – наконец промолвила Клоуфорд, слабо хлопая мужчину по спине в знак поддержки, – Они должны были понести наказание, – прискорбно сказала Саманта. Девушка знала и раньше, что семья ведёт грязные дела, однако это всё. Её никогда не подпускали к делам, не открывали ей хоть каплю этой тайны, а слухи пускать против Дэвнпортов и Клоуфордов не мог никто, эти люди всё делали тайно и чисто подчищали за собой, а те малые, кто знал, либо боялся и заикнуться об этом, либо сотрудничал с семьёй. Сейчас Саманта своими глазами наблюдала человека, жизнь которого разрушила её семья. В девушке боролись чувства ненависти и любви. Она разочаровывалась.

– Что с тобой? Напуганной выглядишь, побледнела вся, – забеспокоился старик.

– Нет-нет. Простите. Это лишь из-за вашего рассказа. Я не представляю, как вам тяжело, – безусловно, она говорила это искренне, но слишком сильная погружённость в свою ситуацию заставляла её быть немного отчуждённой.

– Знаете что? Вы ведь любите фотографировать, а давайте сделаем фотографию. У вас ведь остался фотоаппарат? – попыталась отвлечься Саманта. Взгляд Брента смягчился.

– Эм, конечно, но я уже так долго не фотографировал... – пытался возразить он.

– Несите скорее! Потом вложим фотографию в альбом! – настояла девушка, и Brent покорно поднялся со стула, под-

ходя всё к тому же шкафу в поисках фотоаппарата. Когда мужчина взял его в руки, можно было заметить уже скопившуюся на предмете крупным слоем пыль. Brent смахнул её рукой и вернулся к Саманте. Копаясь в нём, он пытался включить фотоаппарат.

– О, ну наконец-то. Я уже почти не помню, как им пользоваться, – следом мужчина поставил фотоаппарат на стол, сам встал напротив.

– Скорее идём ко мне. Он сейчас сфотографирует, – подзвал старик, и Саманта быстро оказалась рядом с ним, прежде чем глаза озарила вспышка. Готовая фотография появилась внизу фотоаппарата. Девушка подбежала к столу, чтобы забрать фото. Восторженно она рассматривала его. Глядя на туда, подошедший Brent тоже не мог не улыбнуться.

Вечерело. Старик оставил девушку на ночь, и та уже укладывалась спать. Он поселил её в комнате сына. У Саманты было странное ощущение – сна на кровати своего... возможного отца, уже мёртвого. Девушка лежала пластом, смотря в потолок. «Я думала, я никакая не Филдс».

Англия, Лондон. Замок Дэвнпортов и Клоуфордов.

– Как?! Как такое произошло?! – вечер продолжается под крики Джереми.

– Успокойся. Сам не знаю. Проверку надо провести на производстве.

– Да и без тебя знаю!

– Успокойся. Ты срочно закрыл лондонские магазины, остановил поставки. Больше никто не купит.

– А те, кто уже купил? Сколько сейчас отравиться могут, а такое с рук уже не спустят! А призывать людей не пить чай, заставит всех усомниться в качестве моего товара, ужасно, всё просто ужасно, – поникшим голосом закончил он, потирая лоб, – Такого никогда не было в истории нашего дела!

– У тебя сейчас стоит выбор. Либо немного очернить свою репутацию, либо совсем всё потерять. Успокойся, ты не обеднеешь, если сейчас выступишь с призывом не пить чай с рувиросами и на время остановишь его поставки. У тебя много других линеек чая.

– Да...да, – наверное, таким опечаленным Джереми я не видел никогда. Отрицать нельзя, он горит своим делом. Внезапно Джереми подходит ко мне предельно близко и безумно смотрит в мои глаза, – Только не смей говорить отцу.

– Но ты же понимаешь, он может узнать...

– **Не. Говори. Отцу.** – сквозь зубы процедил брат, – Никому не смей говорить. Быстрее прямо сейчас направляйся с проверкой на производство и говори им останавливать всё. Тебя начальство там в лицо знает, уверен, сделает.

– Понял, – коротко сказал я и направился к выходу из дома. Производство находилось за городом, однако, в другой стороне, совсем не рядом с замком. Что ж, направлюсь в ко-

нюшню, поеду верхом. Когда конь был запряжён, я залез на седло и отправился в путь.

Англия, Лондон. Производство.

Уже находясь в промышленном здании, меня встретил местный рабочий.

– Мне нужно поговорить с вашим директором.

– Да, мистер Даниил. Сейчас я подзову, прошу, подождите, – рабочий отошёл, и через непродолжительное время ко мне подошёл мужчина.

– Мистер Даниил, доброго вечера, – начал тот, – Не считите за грубость, но в чём причина вашего столь позднего визита?

– Нужно остановить постановление рувиросов и производства продукта из них, – сразу выпалил я. Глаза директора поползли на лоб.

– В чём же причина такого радикального решения?

– Не могу распространяться об этом. Не верите мне, придет брат и сам скажет.

– Нет-нет. Верю, конечно верю... Лишь пребываю в небольшом шоке, – неловко оправдался директор. Скорее, в большом шоке.

– Понимаю. Это сейчас удар по всем нам. Ещё нужно провести проверку во всём производстве, на все травы. Вы согласны?

– Безусловно. Прошу, пройдёмте.

Дальнейшая работа на производстве была приостановлена. Прежде всего проверить поспешили рувиросы. Готовые на употребление в чай травы тщательно перебирали на наличие необработанного цветка, однако ничего подозрительного обнаружено не было. Директор тяжело вздохнул, когда готовый продукт и ещё сырые цветы *грузчик* убрал на склад. После этого вернулся на производство и на секунду задержался рядом с рабочим. Небольшие мелочи производственной жизни. Впрочем, дальнейшую проверку устроили остальным травам, на всякий случай. К слову, помимо рувиросов на производстве ещё множество других красных цветов. Только совсем не ядовитых. Наконец, долгое действо закончилось, и я был готов покидать здание. Усталость накатила.

– Спасибо за содействие. За сим, вынужден откланяться. Доброй ночи, – попрощался с директором я, открывая дверь и выходя наружу.

– Доброй, доброй, – ответил он. Я вернулся к привязанному к дереву коню и залез верхом, отправляясь в замок. На улице уже была глубокая ночь.

По прибытию домой, в гостиной меня ждал нервный Джереми. Как только он заметил моё присутствие, бросился ко мне с расспросами.

– Ну что? Что там, говори, – быстро тараторил брат.

– Всё в полном порядке. Поставка рувиросов остановлена, однако, когда мы их проверяли, в готовых не нашли ни-

какого сырого цветка. Так что точная причина неизвестна. Возможно, это лишь в прошлых готовых цветках, уже прошедших на прилавки, допустили ошибку. В таком случае достаточно снять именно эту продукцию с магазинов и изготовить новую, конечно, под тщательным присмотром. А сейчас все рувиросы убрали на склад. Обычные цветы и травы тоже проверили, всё хорошо с ними, – после моих слов, кажется, Джереми немного расслабился.

– Хорошее известие. Слава Господу, ничего серьёзного, – выдохнул брат.

– Ничего серьёзного? – усмехнулся я, – Два человека умерло, – Дэвнпорт злобно посмотрел на меня.

– Опять за своё? Не начинай, я сейчас точно не в настроении парировать твои язвы, – отмахнулся Джереми. А я был серьёзен.

– Ты мне скажи, как там твоё заявление? – спросил я. Брат снова поник.

– Как-как. Просто отвратительно! – театрально возгласил Джереми, – Это было самое большое унижение в моей жизни. А разочарованные, презрительные лица аристократов... Конечно, я не говорил им о жертвах. И всё же. Не знаю, чем они теперь считают мою кампанию.

– Не надумывай. Презрение в их глазах ты увидел из-за собственной неуверенности, – затем на миг я задумался, – Хотя, чего это я тебя поддерживаю. Сам справишься. И так тут набегался ради тебя одного, – сказал я, покидая брата.

– Мне всегда было не горячо не холодно от вашей великой чайной империи. И да. Отцу всё равно придётся всё рассказать, прими это, – не оборачиваясь, бросил я. Джереми молчал и ладно. Я начал ступать наверх по лестнице.

Англия, Лондон. Дом Брента.

Бившие в глаза яркие лучи свидетельствовали о приходе утра. Саманта с трудом открыла слипшиеся глаза. Первым, что почувствовала девушка, было приятное ощущение во всём теле, оно не так болело, и даже было будто бы отдохнувшим. Вероятно, мягкая кровать этому поспособствовала. Как давно она не ощущала простого тепла и уюта дома. Стук. Саманта даёт разрешение на вход.

– Элли, доброе утро, ты проснулась?

– Да, мистер Brent. Не беспокойтесь, я сейчас же уйду, не стану задерживаться.

– Нет, нет же! Я не выгонять тебя пришёл. Наоборот. Подумал, ты юная девочка, куда же ты пойдёшь? Ну что мне, на улицу тебя гнать! – возмутился он, – Оставайся со мной жить.

– Brent, вы уверены? Это ведь серьёзно, меня ищут, и денег больше из-за меня тратить придётся, – сомневалась ошеломлённая Саманта, не веря его словам.

– Я всё решил. А ты вон. Старика осчастливила, как внучка мне. И буду свой век доживать не один, – улыбнулся старик. «Как внучка. Возможно, и не просто как».

– Спасибо. Спасибо вам большое, вы не представляете, как помогли мне, – радостно благодарила Саманта. «Это хорошо, я рада, но мои приступы? Разве я смогу жить с Брентом, а если я убью его – осознание окатило Саманту холодной водой, – Это ужасно. Я могу остаться ненадолго, но мне придётся покинуть его. Он снова останется один», – знание этого терзало душу. Счастье от проявленного милосердия к ней смешалось с этим гадким ощущением. Она показала старику настоящую искреннюю радость. Не могла показать лишь искреннюю грусть. Девушка встала, привела себя в нормальный вид, не забыв перед этим посмотреть в то самое зеркальце. Несмотря на ужас ситуации, это улыбнуло её. Девушка спустилась вниз, где Брент уже копошился за столом, раскладывая еду. В дверь постучали. Саманта и Брент удивлённо оглянулись. Старик многозначительно посмотрел на девушку, указывая той подняться наверх опять. Так она и сделала. Когда Брент открыл дверь, Саманта лишь услышала мужской голос. И долго о чём-то беседовал старик Брент и неизвестный гость. Через время хозяин дома крикнул девушке, чтобы она возвращалась, Саманта спустилась вниз.

– Кто это был? О чём вы говорили? – заинтересованно спросила она. Брент лишь махнул рукой.

– Неважно, – ответил он. Саманта была недовольна таким ответом, – Лучше поешь вон, ты вообще не ела, – перевёл тему старик, и она решила не обращать внимания.

– Мне сегодня надо будет уйти, – сообщила девушка.

– Куда же?

– Так, там.. По своим делам, – сказала она. Брент хмыкнул, но не могла же она рассказать, что она дочь аристократов, сбежавшая из клиники и которой теперь нужно решать все эти проблемы.

Немного погодя Саманта покинула дом, облачившись в накидку, скрывавшую её лик.

Англия, тем же временем главная площадь Лондона.

На площади собралась огромная толпа вокруг возвышающегося над ними некого аристократа. Рядом с ним стояло ещё двое. Люди то и дело перешёптывались в предвкушении речи мужчины.

Англия, Лондон. Замок.

– Даниил! Мерзавец, где ты?! – со сквернословиями вошёл в гостиную Джереми. Отец перевёл тяжёлый взгляд на сына.

– Лучше бы ты так утрудился объяснить мне, что происходит, чем искать Даниила, – нагнетающим голосом обратился Уильямс. Джереми с опасением покосился на отца. Тот всё узнал? Да, Джереми знал, что это произойдёт совсем скоро. Но всё равно не был готов.

– Сын. Что это? – Уильямс выставил руку с газетой перед Джереми. В статье было напечатано:

«Немыслимо. Продукция известной кампании отравила

уже порядка более двадцати тысяч людей по всему Лондону. Кто-то остался инвалидом, что не менее ужасно, но большинство потерпевших постигла смерть. Огромный скандал, множество поломанных судеб, но в чём же причина? Все симптомы указывают на отравление рувирозами, однако все близкие потерпевших утверждают, что пили самый обычный чай. По словам...»

– Отец, я, – отчаянно пытался оправдаться Джереми, а на его лице застыла гримаса из ужаса и страха перед отцом. Но Уильямс перебил сына.

– Заткнись! Как ты мог такое допустить, ты понимаешь, что ты загубил всё, что мы построили за столько лет, – кричал он, сжимая газету в кулаке. Его руки тряслись от злости, глаза были наполнены ненавистью. Вместе с этим он понимал безвыходность положения, и несогласие мириться с падением великой чайной империи закипало в нём большим гневом.

– Утром ко мне приходила полиция. У нас есть несколько часов для связи с юристами и адвокатами, подготовке к допросу. Но я боюсь знать, что с нами сделают люди, если мы появимся в Лондоне! – дальнейшую речь прерывает вошедший в дом Даниил. Что было необычно, на поясе у него висели ножны с мечом внутри. На другом боку револьвер. Но слишком разгорячённые, никто не обратил внимания. Джереми, видя лик Даниила, сразу вспыхивает и быстро подходит к брату, хватая за воротник.

– Объясни мне, какого чёрта первые два случая отравления были поддельными! Почему я узнаю, что они ненастоящие?! Это ты сообщил мне о них, а после того как ты проверил производство, всего через два дня мои покупатели отравились обычным, обычным чаем?! Что ты натворил? – сокрушался Джереми. Даниил безразлично повёл плечами, что только усиливало ярость его брата.

– Хорошо. Если тебе нужны объяснения, ты их получишь. Все получают, ты, отец, Беатрис, Уильямс, все братья и сёстры, тёти и дяди. Семейство Клоуфордов, их и наши слуги, все! Все всё поймут.

– Что ты несёшь?! Признайся, ты хочешь сместить меня с места, чтобы ты правил кампанией? Признавайся, я насквозь тебя вижу, урод, – Джереми то гневно кричит, то холодно цедит. Такие перепады только добавляют его виду ещё большей безумности и отчаяния, – Ты ведь всегда хотел моего места. Завидовал мне. Хотел быть первым у отца, хотел быть единственным, хотел быть наследником! О, а ты думаешь я не вижу, какими глазами ты смотришь на Элизабет?! Ты желаешь даже мою жену, тварь, – Даниил азартно усмехается на крики Джереми, высокомерно глядя на брата.

– Лучше сохрани выражения для предстоящего. Они тебе пригодятся.

– Что, – не успел договорить Джереми, как раздался чей-то крик. Это была миссис Беатрис.

– Там, за окном! – она не смогла сказать, никто не смог

понять, что произошло. Стекло окон разлетается острыми осколками, дверь вышибают.

– До свиданица! – после этого Даниил отталкивает Джереми, покидая гостиную, уходя в неизвестное направление дома. А замок наполняют разозлённые аристократы с оружием в руках. Они жаждут возмездия и крови. Сначала находящиеся в комнате Дэвнпорты пребывают в оцепенении, не способные что-либо сделать от собственного шока, но когда лезвие шпаги протыкает первую попавшуюся под руку служанку, они выходят из транса. Раздались крики ужаса, служанки начали разбегаться, но некоторым беднягам не везло – тех успевали схватить и пронзить их тело мечом или застрелить из пистолета. Кого-то подстреливали прямо во время побега. Миссис Беатрис не выдержала и в истерике поддалась своему порыву – побежала от аристократов прочь, однако женщину пронзает пуля. Она падает замертво в паре метров от заветной лестницы. У Джереми и Уильямса замерло сердце не столько, сколько от смерти матери и жены, сколько от серьёзности всей ситуации. Дорогие ковры всё больше пачкаются кровью. На подмогу подоспела верная охрана, та маломальская часть союзников, что ещё осталась у семейства. Она взяла на себя часть восставших, давая им шанс на побег, однако оставшиеся революционеры побежали за Дэвнпортами. Раздавались выстрелы. Сын и отец рванули наверх, чудом ещё не словившие пулю. Вышедшие из комнат на втором этаже на шум родственники встретили смерть. Несколько разь-

ярённых аристократов кинулись на них, при этом отставая от погони за Джереми и Уильямсом. Стоявшую на тумбе вазу среди коридора, Джереми схватил, бросая под ноги преследователям. То лишь на пару секунд замедлило их, но дало паре скрыться за очередным поворотом в замке. Преследователи потеряли их, ведь повернув за ними, их и след простыл.

– Разделимся и найдём их! – прокомандовал некий мужчина и революционеры стали разбредаться по разным комнатам и коридорам. На самом деле, Джереми и Уильямс исчезли в потайном ходе замка и сейчас ютились в узком проходе, слабо освещаемым редкими фонарями.

– Что нам теперь делать? – спросил отца Джереми. Тот тяжело вздохнул.

– Здесь нужно спланировать дальнейшие действия. Долго здесь оставаться нельзя, механизм открытия не сложный, всего потянуть один фонарь снаружи. Из другой комнаты нужно лишь отодвинуть одну половицу. А аристократы не дураки, догадаются.

– Ты прав. Нам нужно продумать, как покинуть замок. Потому что внутри него мы точно не выживем. Этот ход ведёт как раз в оружейную, верно? Нам повезло, мы сможем запасть оружием. Даже если там сейчас немного аристократов, мы отобьёмся, – рассудил Джереми.

– Меньше слов, больше дела. Пошли, – скомандовал отец, первым следуя по проходу. Сын ступил за ним.

– А в итоге всё это восстание, получается, поднял Даниил? – спросил Джереми по пути. Уильямс лишь хмыкнул, коротко ответив.

– Он его часть это точно. А уж пешка он или ферзь неизвестно.

– Скажи, разве он был для тебя неподозрительным, ты не ждал от него подвоха? Он ведь чужой, мы никогда не ставили его в счёт, я всегда сомневался в Данииле. Всегда ему не доверял.

– Нет. Ты думаешь, мало в нашей семье было внебрачных? И никто такого не творил, – Джереми промолчал, не находя боле вопросов. Наконец, они доходят до тупика и стремянки, ведущей наверх. Отец залезает по ней, приставляя ухо к потолку, прислушиваясь к наружным звукам.

– Там тихо. Нужно аккуратно выйти, – с этими словами, он легко толкает рукой одну часть потолка. Та открывается и Уильям, оглянувшись, видит полное отсутствие кого-либо. Он вылезает наружу, Джереми следом за ним. Оружейная была наполнена различными саблями, мечами, присутствовали даже пару катан. Другую часть ассортимента составляли различного рода огнестрельное оружие и патроны. Много оружия они унести не смогут, так уж одеты, поэтому нужно что-то компактное. Два небольших пистолета с патронами к ним взяли себе мужчины. В другую руку вложили сабли.

– Выйдем ли мы через дверь, ведущую отсюда, или вернёмся в потайной ход? – спросил Джереми. Отец призаду-

мался и подошёл к двери выводящей в коридор, прислушиваясь.

– Там тихо. Выйдем отсюда, – решил Уильям, – Иди первый, я буду прикрывать твою спину, – Джереми послушно прошёл вперёд, открывая дверь. В тот же момент как он ступил за порог, дверь за ним хлопнула. А коридор был полон ищущих, словно сторожевые псы, аристократов

– Отец, что, – опешил Джереми. Сначала он не понял – дверь захлопнулась случайно? Отец уже вышел? Но потом осознал – Уильямс специально выставил его к аристократам, готовым растерзать Джереми, а сам, видимо, уйдёт через тайный ход, пока те отвлечены.

– Вон он! Хватайте его! – закричал один из них и восставшие со всех сторон накинулись на мужчину. Тот взмахнул саблей, не готовый сдаваться. Аристократы расступились, Джереми взмахнул ещё раз, раня одного из них. С другой стороны кто-то попытался всадить оружие в него, но мужчина сумел уклониться, сбегая с места и удаляясь. Они последовали за ним. Кто-то выстрелил и на этот раз в Джереми попали – в его плечо вонзилась пуля. Но он не остановился убежать.

Тем же временем у Элизабет.

Звуки борьбы, крушения, криков и убийств были настолько громкими, что даже из подвала Элизабет могла их слышать. Правда, неотчётливо, она не могла разобрать, что происходит, но точно знала – что-то неладное. Это тревожило.

Женщина включила фонарь, чтобы на душе было спокойнее. Внезапно подвал освещает ещё один источник света – открывшаяся дверь. Среди света тень мужской фигуры. Посмотрев вверх, она видит Даниила.

– Элизабет. Скорее, поднимайся сюда, – призывает мужчина. Элизабет озаряется улыбкой – вот он, её герой и бежит к нему навстречу. Поднявшись, она спешно обнимает его.

– Быстрее, тебе нужно уходить отсюда.

– А ты? Что происходит? – тревожится она.

– Я передам тебя в руки надёжным людям. Они отвезут тебя в Гроувер, к Саманте. Там я уже всё устроил для тебя, и ты будешь в безопасности. Когда я разберусь с делами в Лондоне, то примчусь к тебе.

– Но что происходит?

– Восстание. На дом напали, – Элизабет отшатывается от Даниила, потрясённая произнесёнными им словами.

– Что?! И значит, нашу семью убивают? – ужасается Элизабет, – Но как же они?!

– Да, их убивают и убьют, – он подходит к ней, беря её руки в свои, – Но это целиком и полностью их вина. Это лишь следствие всех принятых ими решений и совершённых действий. Почему ты беспокоишься о них? Просто вспомни то, что они сделали с тобой. Их семья всегда ненавидела и обвиняла тебя во всём, что можно было. Джереми бил тебя. Они отослали твою дочь в Богом забытое место. Убили твоего любимого. И есть ещё кое-что, – после этих слов Даниил

сделал паузу в несколько секунд, – Я не рассказывал тебе. Но именно Джереми тогда рассказал всей семье о плане твоего побега с тем парнем. Если бы не он, вы бы сбежали, – на что у Элизабет спёрло дыхание. Она тоскливо смотрит на Даниила, болезненные воспоминания снова настигают её.

– Ты прав, я знаю, – с грустью признаёт она. Даниил кивает.

– Пошли за мной. Я защищу тебя и передам в надёжные руки, – произносит он, тяня её за руку вперёд. Элизабет идёт за ним вперёд. Озираясь по сторонам, она видит следы настоящей бойни. Кровь повсюду – на стенах, полах и потолках, на мебели. Валяются оружия, лежат бездыханные тела с застывшими лицами, полными агонии. Когда она представляла свой выход наружу из подвала, Элизабет фантазировала о чистом воздухе, но вместо него в нос ударял запах железа и пороха. Картина ужасала и пугала женщину, она старалась смотреть только на Даниила. Восставших на первом этаже почти не осталось, все ушли на верхние этажи в поисках новых жертв. Достигнув гостиной, с которой всё и началось, у выхода из дома Элизабет видит несколько мужчин, это те, которые увезут её? Даниил направляется к ним.

– Вот. Я вверяю её вам, оберегайте эту девушку, – сказал им Даниил, указывая на Элизабет.

– Поняли, – хором ответили все трое. На прощание, Клоуфорд взглянула на Даниила.

– Моё сердце волнуется за тебя. Пожалуйста, вернись в

добром здравии, – просила его она.

– Я останусь. Не смогу бросить тебя, – ответил ей он, обнимая. Затем они отстранились и мужчины взяли Элизабет за руку, покидая дом. Недалеко от замка стояла карета с запряжёнными лошадьми. Женщину уже собирались усадить, но на земле её глаз зацепился за вырванную страницу газеты. Та гласила:

«Есть версии, что дочь Джереми Дэвнпорта и Элизабет Дэвнпорт, Саманта Клоуфорд, на самом деле не мертва. Несколько дней назад Лондон потрясло событие – девушка на лошади вторглась на улицу Лондона, чуть не сбив людей насмерть. Несмотря на скрытый лик незнакомки, некоторые аристократы, знакомые с Клоуфорд утверждают, что заметили светлые локоны и красные глаза. Учитывая последние скандалы с этой семьёй, такое открытие совсем неудивительно...». Элизабет встрепенулась.

– Стойте, стойте! – возгласила Элизабет её сопровождающим, – Не усаживайте меня. Я хочу спросить, – и мужчины переглянулись между собой.

– Это опасно, – оспорил первый, – Нельзя задерживаться.

– Лишь один вопрос. Скажите, это правда? – спросила она, указывая на лежащую газету.

– Эти слухи гуляют по городу, но правдивы ли они знают далеко не все. Что ж, это правда, – честно признался один из них, – А чего вам? – и у Элизабет внутри всё перевернулось. Как же это, Саманта в Лондоне, а Элизабет, получается, едет

не к Саманте, а от неё? «Я же, ещё до всего этого просила Даниила послать ей письмо, чтобы она не сбегала. И Даниил сейчас сказал, что я еду к ней! А если Саманта в городе он не мог не знать этого. И он не предупредил меня, что она вернулась! Он что... обманул меня?» – с ужасом догадалась Элизабет. Зачем же он это сделал? Может, это ошибка? Те вопросы, что мучали её. Но теперь она не могла уехать и оставить дочь. Теперь она должна остаться.

– Можем ли мы не ехать в Гроувер? Можете вы просто отвезти меня в безопасное место в Лондоне?

– Никак нет. У нас приказ, – твёрдо сказал один из них, – Не наша прихоть, а босса.

– Тогда простите. Я не могу ехать, – тихо произнесла Элизабет. Мужчины не поняли. В тот же момент рядом стоящему с ней сопровождающему острой туфлей она бьёт между ног. Оставляя мужчин в недоумении, женщина сбегает.

Элизабет мечется. Там и тут – сплошно восставших, а также её ищет охрана, и деться практически некуда. Элизабет спряталась за какой-то стеной, всё ещё недалеко от зам Девушка глядит по сторонам и не замечает никого. У неё даже нет представления, куда идти. Она просто знает, что должна остаться в Лондоне. Женщина выходит из укрытия, готовясь скрыться за следующим. Но мимо неё пролетает пуля, слышится выстрел. Всё же, кто-то заметил её. Она видит несколько вооружённых мужчин и бросается в бегство.

Сценарий развернулся худшим образом – побег привёл её

к единственному месту отступления, замку, в самое пекло. Путь отхода больше не было, не пойдёт туда и попадёт прямо в руки аристократам. Женщина помчалась внутрь, спасаясь от преследователей. Первый этаж был усыпан телами, и она даже не присматривалась, чьими. Побежала вверх по лестнице, где-то глубоко в душе понимая, что крайне близка к гибели сейчас, но другого выбора не было. На этажах мимо были восставшие, и идти туда было опасно. В итоге лестница завела её к бальному залу на четвёртом этаже. Возможно, и не так плохо. Прыгая оттуда, она ещё может спастись. Там никого не было, и зал был кристально чист. Лишь окно почему-то выбито, а рядом с собой она увидела пару долетевших осколков. Элизабет отдышалась, наклоняясь. Сзади раздался голос, и это заставило её вздрогнуть.

– Элизабет? Элизабет, это ты? Не верю своим глазам, – восторженно сказал Джереми. Впервые за это время он увидел человека, не источающего угрозы, – Давай, помоги мне. Элизабет, помоги мне, я истекаю кровью, – прохрипел он, держась за живот. Из под его руки сочилась кровь, – Отец предал меня, сдавав аристократам, ха. Я выжил всё равно, хоть они и ранили меня, – рассказывал Джереми. Элизабет злостно нахмурилась, не поворачивалась, ожидая, когда он подойдёт. И когда муж оказался вблизи неё, она развернулась к нему лицом, втыкая осколок стекла в его сердце. Джереми схватился за неё, непонимающе бегая глазами.

– Что, Эл..иза...ет? По..чему? – еле смог проговорить он,

падая на пол, не в силах больше стоять на ногах. Элизабет опустилась на колени за ним.

– За что?! Ты ещё спрашиваешь, за что?! Это ведь ты! – яростно закричала она, – Ты рассказал тогда семье, что я собираюсь сбежать с Дариусом. Поэтому они нашли нас и убили его. Если бы не ты, – но затем её тон стал меланхолично тихим.

– Но.. я не... Это б...ы... Д...ани...л, – на последнем издыхании произносил Джереми. Сердце Элизабет дрогнуло. Даниил? Имеет ли смысл врать Джереми, когда тот уже умирает? Неужели, она совершила ошибку? Испуганно оглядываясь, женщина тяжело задышала, не зная, что делать дальше. Умом понимала, Даниилу доверия больше нет, из особняка нужно выбираться. Но страх леденил душу, заставляя встать как вкопанную. Однако долго ждать не пришлось. В проёме тронного зала возникла фигура. Даниил. Удивительно, она не думала, что ощутит такое когда-то в своей жизни, но видеть его женщина не хотела.

– Так-так. Моя птичка, почему же ты убежала из кареты? Я ведь так старался, подготавливал всё для тебя, а ты отказываешься уезжать и бежишь в самое пекло, где тебя могут убить, – холодным голосом начал Даниил. Впервые для Элизабет её друг источал опасность. Она боялась его.

– Я, я.. не сбегала. На карету лишь напали, и, – пыталась лукавить Элизабет. Даниил драматично охнул, ступая к ней.

– О, избавь меня от этой лжи! Я всё знаю, – наконец, муж-

чина подошёл так близко, что их не разделял и метр.

– Тогда, я скажу, почему же я убежала. Я тоже всё знаю. Что ты не соврал мне тогда, что это Джереми рассказал семье о побеге. Я знаю, что ты намеренно не сообщил мне, что Саманта в городе. И что ты не отправил моё письмо. Я всё это знаю. Какого чёрта ты творишь?! – обвиняла она его. Даниил издал слабый смешок.

– Ну, раз мы раскрываем карты, то я скажу. Всё, чего я хотел это лишь того, чтобы ты была только со мной. И даже твоя дочь рядом с нами мне не нужна. Поэтому я не отослал ей письмо, поэтому не сказал тебе, что она приехала. Я сказал тебе, что это Джереми был крысой, чтобы ты возненавидела его и не сожалела о смерти семьи. А себя сделал принцем в твоих глазах, вот и всё.

– Но если бы Дэвнпорты не заперли меня в подвале, я бы узнала о том, что Саманта в городе? А если бы мой побег к дочери увенчался успехом?

– Избавь меня и от глупых вопросов тоже, Элизабет. Ты же не дура. Я временим с письмом. Твой побег заведомо был провален, ведь на ту дорогу, по которой ты должна была ехать, я отправил полицейских с рядом лежащего города. Ждал, какой итог будет от Дэвнпортов и после этого уже смотрел, отправлять это письмо или нет. Но узнала бы ты, и что с того? Я бы посадил тебя в карету всё равно, говоря, что везу в безопасное место недалеко от Лондона. А в карете ты бы уже никуда не делась.

– Но, – возразила Элизабет, однако Даниил прервал её.

– Тише. Все развития событий сходны между собой. Так что это неважно. Но то, что ты сбежала, конечно, перечёркивает все планы. Сейчас ты пойдёшь со мной, и я лично посажу тебя в карету. Не смей сопротивляться, – твёрдо сказал он, хватая её за руку.

– Я никуда не пойду, – не согласилась Элизабет, вырывая руку, – Я не брошу дочь. Никогда бы не подумала, что на самом деле ты такой. Я ведь доверяла тебя, а в итоге ты причина моих бед! – эмоционально возгласила она.

– Не пытайся бороться, – Даниил не дал ей вырваться, таща женщину за собой. Поэтому, осколком, что она держала в свободной руке, Элизабет втыкает в руку Даниила. От боли, он вскрикнул, отдёргивая запястье от неё.

– Что ты творишь! – ругается он. Элизабет же отходит назад и оказывается рядом с трупом Джереми. У того осталась сабля и пистолет, правда, без патронов. Женщина берёт саблю, готовая обороняться от Даниила.

– Ты решила устроить бой, что ж, – усмехается мужчина, – Посмотрим, кто сильнее, – с этими словами, он пересекает пространство между ними и взмахивает своим оружием. Элизабет выставляет саблю перед собой, сдерживая удар. Сдерживать натиск даётся тяжело, силы Даниила куда больше. Но она отбивается, Даниил убирает шпагу. Как вести бой Дэвнпорт не знала от слова совсем. Мужчина снова начал наступать.

– Даниил, стой. Прости. Я поняла свою ошибку и пойду с тобой, – виновато сказала она. Даниил повёл бровью от внезапной перемены её настроения.

– Как быстро ты переменялась. Тогда бросай саблю и пошли. Рад, что ты одумалась, – Элизабет промычала в ответ на его слова. Но, подходя к нему ближе, она не бросает оружие, а втыкает в Даниила. Правда, в последний момент тот успевает уклониться и поэтому удар приходится в руку. Элизабет открывается для удара по себе, и Даниил вонзает в неё лезвие своей шпаги. Сабля выскользнула из рук женщины, со звоном падая на пол. Брызнула кровь.

– Кх-кх, – откашливается она и хватается за живот. Очень сильная боль сосредотачивается в раненном месте. Она готова упасть и Даниил подхватывает её в свои руки, прежде чем это случается.

– Ну, тише-тише, любовь моя. Всё хорошо, всё закончилось, – убаюкивает он её, глядя по голове, – Конечно, я думал, ты поступишь как умная девочка и просто пойдёшь со мной. Не знал, что всё так закончится, но и это неплохо.

– Ты подонок, – злилась она, – Мне противно быть в твоих руках.

– А я всегда мечтал держать тебя вот так. Ненавидел, когда Джереми касается тебя, думал, почему же не я. А сейчас я могу даже тебя поцеловать, – и он приподнял её голову, накрывая губы Элизабет своими. Поцелуй был со вкусом металла. Элизабет упиралась руками в его плечи, желая от-

страниться, но крепкая хватка Даниила и утекающие из неё силы не давали этого сделать. Наконец, он отстранился. Губы обоих были перепачканы в крови.

– Моя милая Элизабет. Закрывай глаза. Скоро мы навсегда будем вместе, – последнее, что она услышала, пока мир полностью не погрузился во тьму. Наконец, и тепло тела Даниила пропало, и она почувствовала холод мрамора, окутывающий всё тело. Последней мыслью перед смертью, пронёсшейся в её голове, было то, что она не спасла свою дочь. Весь организм Элизабет Дэвнпорт был мёртв. Весь, кроме мозга. Последнее, что он спроецировал, был прекрасный сон. В её личном раю Элизабет выходила из простого, небольшого домика. За руку с ней шёл Дариус, а на улице резвилась ещё маленькая Саманта.

В то же время, Даниил.

– Даниил, стой. Прости. Я поняла свою ошибку и пойду с тобой, – виновато ответила она. Моя бровь невольно поднялась от странности такой перемены. Определённо, она что-то задумала.

– Как быстро ты переменялась. Тогда бросай саблю и пошли. Рад, что ты одумалась, – Элизабет промычала. Я отворачиваюсь, но краем глаза всё ещё слежу за происходящим. О, какая жалость. Я обороняюсь от попытки её удара по мне. Когда она подняла руку вверх, её живот остался открыт и я вонзаю шпагу в Элизабет. Тут же, её оружие с лязгом падает на пол. Я ожидал чего-то такого уже тогда, когда она совра-

ла. Но, тем не менее, моя рука слегка дрогнула когда я ранил Элизабет. Моя любимая падает, но я вовремя подхватываю её на руки. Она бранит меня, но я думаю лишь о её прекрасности и целую. Я скорее счастлив, несмотря на то, что убил любовь всей своей жизни. Казалось бы, я должен быть опечален. Но всё, что я ощущаю это умиротворённое спокойствие, будто война в моей душе закончилась. Теперь она стала моей. Я просто убью абсолютно всех Дэвнпортов и Клоуфордов и тогда отправлюсь вслед за ней. Я бы хотел сейчас остаться с Элизабет и лелеять её мёртвое тело, но я должен идти. Пусть она ждёт меня. Пора уходить. Выйдя из бального зала, я отправился по лестнице вниз. Станный запах ударил в нос, это был запах дыма. Неужели особняк подожгли? Тогда мне нужно поторопиться, неизвестно даже мертвы они или кто-то жив. А если кто-то сбежал уже? Спускаясь, параллельно я оглядывал этажи на наличие кого-либо. На первый этаж смысла идти нет. Нужно проверить этажи, пока огонь не распространился ещё больше. Я забежал на один из этажей. Кашель вырывался из моих уст. Где-то вдалеке я услышал, как что-то с грохотом упало, кажется, под влиянием пламени. Я шёл по коридору, заглядывая в комнаты. Осталась одна последняя, окутанная дымом. В ней я увидел чьи-то очертания. Приглядевшись, я всё-таки смог разобрать, это был отец. Когда я ворвался в комнату, он удивлённо оглянулся на меня.

– Даниил? – сказал он, сразу откашливаясь. Видимо, Уильям отравлен углекислым газом и больше не может идти,

теряя сознание.

– Отец. Здесь настанет наша гибель, – гордо произнёс я, – Я рад умирать, зная, что ты мёртв. Тебе есть, что сказать напоследок?

– Я... Вырастил монстра, – последнее, что он сказал мне, прежде чем упал без сознания. Я брезгливо оглядел Уильяма. Не могу не признать, его слова задели меня. Но это уже неважно. Пламя объяло комнату. Я готов. Сверху что-то затрещало. Я поднял голову, смотря на потолок. Последнее, что я увидел, была летящая на меня огненная балка.

Тем временем, у Саманты.

– Brent, я вернулась! – громко воскликнула она, распахивая дверь. Но дома было тихо и пустынно, – Brent? – окликнула она. Ответа не последовало. Девушка прошла в дом. «Куда же он подевался?» – беспокоилась она. Выглянув в окно, вдалеке она увидела дым. «Пожар? Так много дыма. И совсем в той стороне, где мой дом...» – задумалась она. Беспокойство взяло верх, вдруг горит её дом? Невзирая на здравые смыслы и то, что её могут поймать, Саманта, не медля, помчалась туда. Лондон опустел. На улицах не было ни души, что с одной стороны давало преимущество – никто не будет пытаться схватить её, с другой – пугало, заставляло тревожиться. Что происходит?

Когда она прибежала, было уже поздно. Замок был охвачен огнём, настолько ярким, что кажется, тот отражался в

глазах девушки. Настолько ярким, что тот охватил и её сердце. Множество чувств смешалось внутри, было и непонимание, почему их особняк горит, как такое могло случиться? Было и отрицание, возможно он и горит, но семья успела выбраться, так что всё хорошо! Была и злость, посмел ли кто-то сжечь её дом? Но, в конце концов, все они сгорали в пламени боли её души от осознания, что это конец. Она не сможет вернуться домой никогда, никогда не получит ответы на свои вопросы, никогда не увидит семью, которую любила. В лучшем случае навеки будет вынуждена скитаться от места к месту, в худшем – сойдёт с ума. Однако она не желала сдаваться до последнего. Саманта побежала прямо в горящее здание. Она увидит своих родных, чего бы ей это не стоило, а если огонь охватит и её, да будет так. Она – часть семьи и сгорит вместе с ними. Как только она пересекла порог замка, на лбу сразу же выступил пот, всё тело обволокло невероятный жар. Первый этаж был почти разрушен – много чего было обвалено, почти вся мебель сгорела. Множество мёртвых догорающих тел – самых различных людей, от обычных служанок до аристократов и их семейной охраны. Лежали даже тела в полицейской форме. Царящая вакханалия ужаснула её, кажется, в доме произошла самая настоящая кровавая бойня. Саманта побежала на этаж выше. На второй этаж вход был полностью завален и путь по витиеватой лестнице продолжился. Третий этаж был открыт для вхождения. Она быстро рванула по коридору, спешно оглядывая комнаты. Среди множества

тел она больше всего искала и одновременно боялась найти свою мать. Дальнейшее движение преградила града пламени. Однако, по ту его сторону в нескольких метрах она увидела двух сражающихся мужчин. Сначала сконцентрированный дым давал лишь их слабые очертания – один высокий и статный, другой низкий и немного сгорбленный. Но дымка немного рассеялась и она разглядела – это были Альберт и Brent. Мужчины сражались на мечах, Brent проигрывал в физической силе. Саманта наконец поняла, куда же пропал старик. Но почему он здесь? Губы девушки задрожали.

– Дедушка Альберт! Дедушка Brent! – окрикивает она их. Её голос был слабо слышен в пучине из ада смешавшихся звуков бушующего огня, падающих сооружений. Но они вскинули головы на её зов. Миг, когда по две стороны стоящие, пересеклись глазами, застыл. Саманта хотела подать им обоим руку, вызволяя отсюда, но пламя, разделяющее их, не давало. Brent непонимающе смотрел на Саманту, в его глазах читался вопрос: «Что ты здесь делаешь, внучка?». Ровно тот же, что и у неё был к нему.

– Это я, – прошептала девушка. Она знала, он не услышит. Но лишь взглянув на Саманту, Brent понял сказанное ей. Лицо старика расслабляется. В следующий миг он взмахивает мечом.

– Нет! – единственное, что успевает закричать она, но было поздно. Brent пронзает своего оппонента саблей, в ответ ощущая, как пронзают его. Они оба падают на колени. Пла-

мя взывает вверх, скрывая их фигуры. Глаза Саманты застывились от дыма. Лишь от него. Теперь девушка поняла, что сказал Бренту тот человек. Саманта убегает, спасаясь от наступающего огня. Выход к лестнице ещё не опоясан пламенем, ей повезло. Она бежит ещё выше и настигает бальный зал. Он всегда нравился ей. Сейчас зал уже не был таким, как раньше, от огня материал где-то потрескался, где-то мрамор изменил свой привычный кристально белый цвет. Тот бальный зал, в котором маленькая Саманта станцевала свой первый в жизни танец совсем отличался от нынешнего. Того, в котором её учили поддерживать светские беседы, этикету и манерам. Девочке это всё было увлекательно и интересно, а когда настал её первый бал, она показала себя превосходно и ещё больше втянулась в эту высокую жизнь. Кого-то утомляли долгие танцы и притворно-лестные разговоры, но Саманта жила и дышала, когда множество взглядов было приковано к ней, когда она надевала свои торжественные платья, когда слушала комплименты, аристократические сплетни и козни, это забавляло её. Это было тем местом, где она чувствовала себя важной. То место, где она получала людское внимание. Сейчас из людей там лишь два мёртвых тела. Она нашла, то, чего боялась найти. Среди полыхающих стен, посередине лежало бездыханное тело её матери, чуть поодаль – отца. Нельзя сказать, что она не была готова к этому. Но всё равно это отдалось болью в сердце и новой волной слёз. Девушка побежала в центр.

– Мам! Мама, – закричала она, падая на колени рядом с Элизабет. Саманта стала обхватывать голову матери руками, трясти за плечи в попытках привести в чувства. Но та не реагировала на прикосновения и глаза её по-прежнему были пусты. На платье матери девушка заметила красное пятно и зияющую рану. Саманта проронила слёзы на лицо Элизабет, отчаиваясь в рвении привести её в сознание. Девушка обняла её тело. Она больше не хотела никуда уходить. Ей и некуда – умерли все, кто был ей дорог, к кому она могла обратиться. Сначала брат, потом священник Дунстан, что стал ей кем-то сродни отцу. И этих людей она погубила своими руками. Умер дедушка Brent. Теперь в одночасье погибла вся её кровь. Долорес жива, но даже её нет рядом. Послышался тихий шёпот

– С-саманта, – слова были почти неуловимы. Но девушка всё равно услышала и отстранилась от Элизабет, ошеломлённо смотря в её лицо. Губы матери дрожали, она почти не могла говорить.

– Мама? Мама, ты жива! – воскликнула дочь.

– Милая, твои волосы, – проронила мать, тяня руку к голове дочери. Затем Элизабет с ужасом осознала, что Саманта сейчас здесь, – Уходи отсюда. Пламя поглотит тебя, если останешься, – из последних сил молила Элизабет.

– Но что, если я не хочу уходить? Пойми, мне некуда больше идти! Лучше я погибну рядом с тобой.

– Не смей, не смей говорить так! Уходи, пока можешь,

прошу! Я приказываю тебе, слышишь?! – умоляла мать. Сердце Саманты обливалось кровью.

– Я уйду, раз ты просишь. Прости меня прошу. Прости за все годы, что я к тебе ненавистно относилась, прости. Я люблю тебя. Почему, почему всё так... – девушке было ещё больнее от того, сколько лет они не общались. Сколько она игнорировала маму и не подпускала к себе. А теперь... Это их последняя встреча.

– О, Саманта... Ты не представляешь, как я хотела услышать это от тебя. Ничего, ничего... Я тоже люблю тебя. Обещаю тебе, если выживешь, ты всё узнаешь, – быстро проговаривала Элизабет. Она ощущала, что жизнь уже почти полностью ускользнула из неё и боялась не успеть договорить.

– Лишь один вопрос и я уйду. Скажи, моим отцом ведь был Дариус? – на что Элизабет вскинула брови, округлив глаза. Затем расслабилась в слабой улыбке.

– Верно. Я так рада, что ты узнала, – слабо прошептала она. Её веки стали медленно закрываться, – Выживи, – с этими словами на губах Элизабет Клоуфорд умерла. Саманта задрожала. Слезы вновь покатались, падая на мрамор и смешиваясь с кровью. Падали на тело матери, однако больше не оживляли её. Нехотя, девушка встала. Мама просила её уходить. Мрамор плохо горел и почти не пропускал огонь, в этом была причина, почему девушка ещё не подожглась. Но углекислый газ заставлял задыхаться в кашле. Саманта поторопилась к выходу, однако оттуда уже виднелся огонь и язы-

ки пламени подбирались всё ближе к бальному залу. Другого выбора больше не было – только окно. Это лишь четвёртый этаж... Саманта огляделась и увидела разбитое окно. Подбежав к нему, девушка перелезла через панорамы. От взгляда вниз вскружилась голова. Всего один шаг. Тревога в душе нарастала, прыгать с высоты всё-таки было страшно. Она зажмурилась и сделала выпад вперёд, ощущая свободный полёт. Страх окутал всё тело. Когда она настигла земли, Саманта приземлилась на ноги, следом сделав кувырок вперёд. В моменте Клоуфорд ничего не почувствовала, лишь следом конечности неприятно засадили, на голых руках и ногах появились ранения. Выругавшись под нос, девушка огляделась вокруг. Куда ей сейчас идти? Направиться в дом Brenta? Размышления прервали появившиеся революционеры. Она рванула от них прочь.

Силы Саманты были наисходе. Она уже долго бежит от преследователей, но всё никак не может оторваться. Девушка не желала сдаваться в руки убийцам. Это было выше её чести, да и желание своей мамы она не забыла. В её теле уже были пулевые ранения. Она бежала, хромая и держась за больное плечо. Клоуфорд не знала, как уйдёт от них. Девушка одна, а восставших много и все вооружены. Так странно. Когда-то эти же аристократы посещали её балы. Она любезничала с ними, с некоторыми даже танцевала. Сейчас именно они гонятся за ней с пистолетами и мечами. Вместе с ними её преследовала тень, но та была совсем близко к девушке.

ке. Тень твердила: «Прими меня,пусти в себя. И я убью их всех, спасу тебя». Но Саманта не внимала её речам – всегда, когда тень брала контроль над ней, происходила трагедия. Девушка ощущала, что если тень вновь завладеет ей, то настоящая Саманта больше никогда не вернётся. Поэтому Клоуфорд всеми силами бежала ото всех, не давая поглотить разъярённым аристократам своё тело, а тени – своё сознание. Беготня привела к производству. Тому самому, которым владела её семья. Возможно, стоит укрыться там, затеряться среди бесконечных высоченных стеллажей и оборудования? Девушка побежала к заводу, ненадолго из виду аристократы потеряли её. Но звук выбившегося окна обнаружил Клоуфорд. Преследователи побежали на звук, застав лишь пустую панораму окна и перелезли через неё, проникая на завод. Начали, словно сторожевые псы, рыскать дочь семейства. Производство внутри было пустым, ни единой души. Саманта побежала на склад. Он был большой и величавый. Девушка бегала среди стеллажей, ища место, где могла бы спрятаться. Сзади раздались громкие голоса. Аристократы уже на складе. В неосвещаемом помещении, маленькая дверь привлекла её внимание. Саманта рванула туда, надеясь, что коморку они проглядят. Как только дверь захлопнулась, девушка упала на колени. В коморке было немного шкафов и маленьких стеллажей, у стены впереди стояла коробка. Из её верха выглядывали цветы, кажется, те самые. Девушка бы немного расслабилась, но была единственная от

кого она ещё не убежала – тень. Та не переставала шептать:

«Прими меня».

«Прими меня».

«Прими меня».

Сущность огромным пятном расплзлась по стене и потолку. Красные точки на месте глаз. Медленно тень становилась чем-то более материальным, приобретая склизкую чёрную форму. Она была такой же, как и когда Саманта впервые увидела её в своём доме, как и когда увидела в больнице, только вот, в отличии от первых разов, сейчас она была гораздо больше. Девушка пятилась и отползала от сущности назад. Та уже тянула своё мерзкое жалкое подобие рук к девушке. Кажется, прикоснувшись, та полностью погрузила бы Саманту в себя, наконец, сливаясь в единое целое. Но девушка не позволяла. Вдруг по спине Клоуфорд пришелся удар. Стена. Да, вечно убежать не получится. Девушка поджала губы. Она беспомощно смотрела, как тень наступает всё ближе и не знала, что делать. Вот-вот это должно произойти. То, отчего она бежала. Так, может быть, не надо было бежать? Бег привёл к тому, что сейчас сущность поглотит её. «Коробка» – сбивчиво промелькнуло в мыслях. Сунув руку, в ладонь девушка зачерпнула горсть и сжала в кулаке. Вытащив, Саманта поднесла кулак ко рту. Тень недоуменно остановилась. Затем громко взревела и побежала прямо на свою носительницу, но было поздно. Девушка смотрела сущности прямо в глаза, без страха боле и всю горсть трав из ладони

запустила в рот, разжёвывая и проглатывая. Прошлые слёзы уже засохли на её щеках и сейчас вновь покатались две свежие скупые слезы от осознания приближающегося конца. Тварь остановилась, крича и постепенно становясь меньше, снова становясь рассеянной тенью. Последнее, что девушка видела, была агония демона. Затем мир канул в лету, и среди темноты пронеслась лишь одна единственная мысль – «Прости мам. Я не смогла».

1883 год, Англия. Гроувер, психиатрическая клиника.

– Вот так как-то всё и было. Он провернул это восстание вместе со своими сообщниками. Свою маленькую организацию они звали «Джентльмены». Одного из своих же, кстати, членов сообщества убили. И мать твою убил этот Даниил Дэвнпорт. Кажется, сначала помогал, а потом предал. Тяжело было это запутанное дело расследовать, – говорил надзиратель, – И удивительно так. Я вёз тебя сюда с самого начала. Потом ты сбежала, а мне опять поручили везти тебя во всю ту же больницу, когда это всё произошло... – вспоминал он, – А потом и дело твоё тоже мне поручили. Ну, как твоё. Всея вашей семьи, – рассказывал приставник молодой девушке в инвалидной коляске. Её лицо было до неприличия безразличным, глаза, будто бы, потеряли привычный блеск.

– Время приёма вышло, – крикнула медсестра. Мужчина кивнул, вставая со стула. Напоследок он оглядел её.

– А волосы-то у тебя совсем как в нашу первую встречу, –

немного улыбнувшись, сказал он, – Такие же длинные и роскошные

Конец основной линии.

—

Эпилог. Дальнейшая жизнь.

Её колени стояли на матрасе больничной кровати. Рядом находилась инвалидная коляска. Девочка на кровати возвышалась над сидящей на коляске девушкой. Расчёска скользила по длинным светлым волосам.

– О, Саманта, – произнесла Долорес, – Ты же сказала, что не вернёшь мне зеркало, обманщица! – дурачилась девочка. Но на самом деле, в её сердце не было ни доли от задора. Затем она посерьёзнела и с лица пропала улыбка, – Вот скажи, кто будет ухаживать за твоими прекрасными локонами, когда я умру?